

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1254–1293
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 5, no. 4 (2021): 1254–93

Научная статья
УДК 94(47).086.6
<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-5>

Галина Михайловна Иванова
Институт российской истории РАН,
Государственный музей истории ГУЛАГа,
Москва, Россия,
ivanovagal@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3784-5619>

Galina M. Ivanova
Institute of Russian History of the RAS,
The GULAG History Museum,
Moscow, Russia,
ivanovagal@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3784-5619>

Забытый остров архипелага ГУЛАГ – Прорвинский ИТЛ

Аннотация. Несмотря на значимое количество работ, посвященных истории ГУЛАГа, проблема создания и функционирования небольших лагерей в регионах, где лагерная система не получила широкого распространения, до сих пор остается практически неосвещенной как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Малоизученными остаются рыболовецкие лагеря Прикаспийского региона, в частности Прорвинский ИТЛ (Прорвлаг). Целью проведенного исследования было восполнить существующий в историографии ГУЛАГа пробел, раскрыть причины и условия создания рыбопромышленного лагерного комплекса на берегах Северного Каспия, проанализировать производственную деятельность Прорвинского ИТЛ, определить локацию отдельных структурных подразделений лагеря. Исследование базируется на архивных документах из фонда Главного управления мест заключения МВД СССР, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации ф. Р-9414, дополненных большой группой опубликованных материалов. Исходным методологическим принципом является критический анализ всего корпуса фактического материала, в первую очередь новых архивных документов.

Установлено, что в 1932 г. ОГПУ получило для использования новый рыбопромысловый район – Прорвинский, расположенный в северо-восточной части Каспийского моря. С целью его освоения для ведения рыбного хозяйства здесь был создан Прорвинский ИТЛ, управление которого первоначально дислоцировалось на острове Прорва в Каспийском море. В составе лагеря, который функционировал с 1932 по 1940 г., было несколько отделений, лагерных пунктов и командировок. Среди заключенных насчитывалось немало специалистов рыбного дела, осужденных за контрреволюционные преступления. Лагерь

имел промысловый флот в количестве до 1 115 единиц, производственные мастерские для его обслуживания, а также береговые и плавучие рыбозаводы. Вся продукция, выпускаемая Прорвинским ИТЛ, реализовывалась в системе ГУЛАГа. Выявлено, что ОГПУ организовало Прорвинский ИТЛ с целью создания собственной базы снабжения лагерного населения рыбной продукцией, поскольку с 1932 г. государство прекратило снабжать лагеря рыбой. Заключенные осваивали новый рыбопромысловый район в тяжелейших климатических, бытовых, производственных и санитарных условиях, внося значительный вклад в освоение и развитие Казахстанского сектора Каспия.

Ключевые слова: ГУЛАГ, Прорвинский ИТЛ, Прикаспийский регион, Казахстан, политические репрессии, рыбные промыслы

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан в рамках проекта № АР 08856940 «Прорвинский и Астраханский лагерь в системе ГУЛАГа (1932–1950 гг.): история, память, уроки».

Для цитирования: Иванова Г.М. Забытый остров архипелага ГУЛАГ – Прорвинский ИТЛ // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1254–1293. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-5>

Prorva Island camp: a forgotten island of the GULAG Archipelago

Abstract. Despite a significant number of works devoted to the history of the GULAG, the problem of the formation and functioning of small regional camps in the areas where the camp system was not widespread still remains practically uncovered both in Russian and in foreign historiography. Fishing camps in the Caspian Sea region remain practically unstudied. The Prorvinskii correctional labor camp also known as the Prorva Island camp (Prorvlag) is among them. The aim of this study was to fill the gap in the historiography of the GULAG, to reveal the causes and conditions of the formation of the fishing camp complex on the shores of the Northern Caspian Sea, to analyze the industrial activities of Prorvlag, and to determine the location of individual structural subdivisions of the camp. The study is based on the documents from the archives of the Main Administration of Places of Confinement (*Glavnoe upravlenie mest zaklyucheniya*, GUMZ) of the Ministry of Internal Affairs of the USSR (GARF, F. R-9414) supplemented by a considerable collection of other publications. The underlying methodological principle is the critical analysis of the entire body of factual material and the new archival documents in the first place.

It has been established that in 1932, the OGPU received a new fishing area for its future use, the Prorva district located in the northeastern part of the Caspian Sea. For the purposes of its development and further organization of fisheries, a correctional labor camp was established there, with its administration originally stationed on Prorva Island in the Caspian Sea. The camp, which functioned from 1932 to 1940, included several subcamps, camp stations, and camp detachments. Among the prisoners, there were many fishing specialists who were convicted of various counter-revolutionary crimes. The camp had a fishing fleet of 1 115 units, production workshops for its maintenance, and coastal and floating fish factories. All the products produced by Prorvlag were sold within the GULAG system. It has been revealed that the OGPU established the Prorva Island camp in order to create its own base for supplying the camp population with fish products, since in 1932 the state stopped supplying camps with fish. The prisoners who developed the new fishing

area in the most difficult climatic, domestic, industrial, and sanitary conditions made a significant contribution to the development of the Kazakhstan sector of the Caspian Sea.

Key words: GULAG, Prorvla Island camp (Prorvlag), Caspian region, Kazakhstan, political repression, fisheries

Acknowledgement. The article was prepared with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan under the project no. AR 08856940 “Prorva Island camp and Astrakhan camp in the GULAG system (1932–1950): history, memory, lessons.”

For citation: Ivanova, G. “Prorva Island camp: a forgotten island of the GULAG Archipelago.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 4 (2021): 1254–93. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-5>

Введение

История ГУЛАГа привлекает внимание специалистов уже не один десяток лет¹. До начала 1990-х годов изучение советской лагерной системы было привилегией западных исследователей, которые не имели цензурных ограничений в идеологической сфере². Но их работы базировались преимущественно на свидетельствах участников событий и воспоминаниях очевидцев, среди которых преобладали перебежчики и эмигранты из СССР, не обладавшие, как правило, достоверными сведениями о ГУЛАГе³. Режим государственной секретности был причиной того, что о деятельности различных подразделений НКВД СССР, в том числе и лагерно-производственных управлений, не имели достоверной информации ни российские, ни зарубежные исследователи.

Изучение ГУЛАГа на качественно новом уровне стало возможным только после открытия советских архивов, когда начался процесс рассекречивания, а потом и публикации большого массива документов по истории политических репрессий и принудительного труда. За последние три десятилетия как в России, так и за рубежом появились сотни работ, в их числе и научные издания,

¹ Zorin L. Soviet prisons and concentration camps: an annotated bibliography, 1917–1980. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980.

² Conquest R. Forced labour statistics: some comments // Soviet Studies. 1982. Vol. XXXIV, № 3 (July). P. 434–439; Rosefield S. Incriminating evidence: excess deaths and forced labour under Stalin: A final reply to critics // Soviet Studies. 1987. Vol. XXXIX, № 2 (April). P. 292–313.

³ Rosefield S. An assessment of the sources and uses of GULAG forced labour 1929–56 // Soviet Studies. 1981. Vol. XXXIII, № 1 (January). P. 51–87; Wheatcroft S.G. On assessing the size of forced concentration camp labour in the Soviet Union, 1929–1956 // Soviet Studies. 1981. Vol. XXXIII, № 2 (April). P. 265–295; Wheatcroft S.G. Towards a thorough analysis of Soviet forced labour statistics // Soviet Studies. 1983. Vol. XXXV, № 2 (April). P. 223–237.

посвященные региональным аспектам истории ГУЛАГа⁴. Опубликованы исследования по истории лагерной системы на Европейском Севере России⁵, в Западной Сибири⁶, на Дальнем Востоке, в Северо-восточном⁷ и других регионах Советского Союза. Однако, несмотря на обилие и разнообразие опубликованных работ, современные историки не склонны утверждать, что на карте ГУЛАГа не осталось белых пятен. В изучении истории ГУЛАГа до сих пор существуют серьезные лакуны, к числу которых относится проблема создания и функционирования небольших лагерей в регионах, где лагерная система не получила широкого распространения. Так, до настоящего времени остаются практически неизученными рыболовецкие лагеря Прикаспийского региона, в частности, Прорвинский ИТЛ (Прорвлаг). Историки не располагают точными сведениями о локации отдельных структурных подразделений этого лагеря, нет объективных ответов на вопросы о причинах, целях, задачах и условиях создания и функционирования рыбопромышленного лагерно-производственного комплекса, созданного в начале 1930-х годов в Казахстанском секторе Каспия. Задача данного исследования – найти ответы на актуальные вопросы и по мере возможности заполнить существующие пробелы.

Основу источниковой базы исследования составили документы из фонда Главного управления мест заключения МВД СССР (ф. Р-9414), хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), дополненные большой группой опубликованных материалов. В работе также использовались мемуары и свидетельства лиц, причастных к истории ГУЛАГа в

⁴ Bacon E. The Gulag at war: Stalin's forced labour system in the light of the archives. New York: New York University Press, 1994; Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. Москва: МОНФ, 1997; Harris J.R. The growth of the Gulag: forced labor in the Urals region, 1921–1931 // The Russian Review. 1997. Vol. 56, № 2 (April). P. 265–280; Захарченко А.В., Репинецкий А.И. Строго секретно. Особстрой–Безымянлаг. 1940–1946 (из истории системы лагерей НКВД СССР в Куйбышевской области). Самара: НТИ, 2008; Феномен ГУЛАГа: интерпретации, сравнения, исторический контекст / под редакцией М. Дэвида-Фокса / перевод с английского О. Бараш и др. Санкт-Петербург: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020; и др.

⁵ Упадышев Н.В. «Большой террор» и развитие лагерной системы на Европейском Севере России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 2. С. 87–93; Упадышев Н.В. Воркутинский исправительно-трудовой лагерь в годы Великой Отечественной войны // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 35–45.

⁶ Bell W.T. Stalin's Gulag at war: forced labour, mass death, and Soviet victory in the Second World War. Toronto: University of Toronto Press, 2018.

⁷ Ткачева Г.А. Принудительный труд в Дальневосточном регионе. 1941–1945 гг. // Россия и АТР. 2003. № 4 (42). С. 29–40; Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-востока СССР (1930–1950-е гг.). Москва: РОССПЭН, 2014.

Прикаспийском регионе. Особое значение для определения локаций отдельных подразделений Прорвинского ИТЛ имели географические карты, изготовленные в первой половине XX века⁸. При наложении словесных описаний лагерных пунктов на карты синхронного периода удалось уточнить места расположения некоторых лагерных объектов.

Исходным методологическим принципом исследования стал объективный критический анализ всего корпуса фактического материала, в первую очередь новых архивных документов. Все материалы исследовались с помощью структурно-функционального и системного анализа, что позволило рассмотреть Прорвинский лагерь как социально-экономическую структуру, определить его место и роль в истории ГУЛАГа и страны в целом. Хронологические рамки работы обусловлены временем существования Прорвинского ИТЛ.

Основная часть

В мемуарной литературе сведения о Прорвлаге встречаются редко, рассказы о нем, как правило, малоинформативны и противоречивы. Одно из первых описаний этого лагеря содержится в воспоминаниях Петра Якира, сына видного военного деятеля И.Э. Якира, расстрелянного в 1937 г. по «делу Тухачевского». П. Якир, отбывавший наказание в Астраханской тюрьме, был посажен за какую-то провинность в карцер, где встретился с одним военным, доставленным в Астраханскую тюрьму из лагеря на доследование. Этот военный был осужден по ст. 58 УК РСФСР на 25 лет лагерей за «измену Родине». Жизнь в карцере не нарушалась никакими событиями, все дни были наполнены разговорами и рассказами. Один из таких рассказов П. Якир привел в своих воспоминаниях:

Военный после осуждения попал в Прорвлаг, получивший свое название от острова Прорва на Каспийском море, недалеко от города Гурьева. Лагерь занимался ловлей рыбы и ее обработкой. Работа была тяжелая, но рыбы можно было есть вдоволь. Два его друга, военные летчики, один из которых перед самым арестом вернулся из Испании и был награжден орденом Ленина, работали в лагере на моторной лодке. Как-то раз, когда поднялся небольшой шторм, они направили свое судно, на котором находилось еще четыре зэка, на юг, уходя от сторожевых катеров. Поднялась стрельба, но ветер был настолько силен, что умелые штурманы ушли из поля зрения лагерной охраны. Их хотела перехватить пограничная охрана, но они благополучно ускользнули в персидские воды. После этого случая всю 58-ю статью сняли с работ, связанных с выходом в море, а военного посадили в центральный

⁸ Карта Казахской АССР с нанесением окружной системы, введенной с 1 октября 1928 г. Казахстанское издательство, 1931 г. URL: http://www.etomesto.ru/map-kazakhstan_1931/ (Дата обращения: 10.05.2021).

изолятор, обвинив в пособничестве побегу. Не найдя, каким образом ему можно добавить срок (он отсидел менее года из 25 лет), его отправили в Астраханскую тюрьму⁹.

Из этого рассказа, с которым западный читатель мог познакомиться уже в 1972 г., можно было получить некоторое представление как о локации Прорвинского ИТЛ, так и о составе заключенных и производственной деятельности лагеря. Динамичный сюжет с оттенком романтики делал повествование Якира запоминающимся. В России мемуары аналогичного содержания стали публиковаться только с начала 1990-х годов.

Научные исследования по истории ГУЛАГа в Прикаспийском регионе практически отсутствуют, исключением можно считать небольшие справочно-информационные статьи об отдельных лагерях, опубликованные в 1998 г. в справочнике «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960»¹⁰. В последние годы тема рыболовецких лагерей Каспия привлекла внимание казахских ученых¹¹, она неоднократно обсуждалась на международных и республиканских конференциях¹². Для плодотворного продолжения работы по данной проблематике необходимо расширение источников базы за счет привлечения новых документов из государственных архивов Российской Федерации и Республики Казахстан.

С конца 1920-х годов в Советском Союзе начала формироваться сеть концентрационных лагерей, которые 27 июня 1929 г. были официально переименованы по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) в «исправительно-трудовые лагеря» (ИТЛ)¹³. Следует заметить, что, несмотря на переименование,

⁹ Якир П.И. Детство в тюрьме: Мемуары Петра Якира / автор предисловия Ю. Телесин. Лондон: Macmillan, 1972. С. 55–56.

¹⁰ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: справочник / составитель М.Б. Смирнов. Москва: Звенья, 1998.

¹¹ Ахметова У.Т., Жумабаев А.Ж. ГУЛАГ жүйесіндегі Прорва лагері (1932–1950 жж.) // Вестник ЗКГУ. 2020. № 3 (79). С. 138–146. DOI 10.37238/1680-0761.2020.79(3).14

¹² Болонина Л.В. Создание Прорвинского исправительно-трудового лагеря в Астраханской области и его производственно-хозяйственная деятельность // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XII Международной научно-практической конференции (Астрахань, 29 апреля 2016 года) / под редакцией Е.Г. Тимофеевой, А.О. Тюрина, А. В. Сызранова. – Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2016. С. 76–79; Ахметова Ұ.Т., Мұқтар Ә.Қ. Прорва еңбекпен түзету лагері тарихынан (1932–1950 жж.) // II Туган өлкені зерттеу: оның маңызы және басым бағыттары: Республикалық онлайн ғылыми-тәжірибелік конференциясының материалдар жинағы (Сарайшық, 15 мамыр, 2020 жыл) / Жалпы ред. басқ. Ә.Қ. Мұқтар. Атырау–Сарайшық: Сарайшық мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы, 2020. С. 38–44.

¹³ ЦК ВКП(б). Политбюро. Протокол № 86, пункт 11 от 27.VI.1929 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 791. Л. 22.

термин «концентрационный лагерь» употреблялся в официальных нормативных актах и разговорной речи еще довольно продолжительное время. 11 июля 1929 г. правительство поручило ОГПУ организовать ряд новых крупных лагерей в отдаленных районах Советского Союза в целях заселения этих районов и освоения их природных богатств¹⁴. Лагеря находились в ведении Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). В 1930 г. в его составе было создано Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ).

Согласно докладной записке заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды И.В. Сталину об итогах хозяйственной деятельности лагерей за 1932 г. и первый квартал 1933 г., на 1 января 1932 г. в лагерях ОГПУ содержалось 266 000 заключенных. В 1932 г. численность лагерного населения непрерывно росла, достигнув к 1 января 1933 г. 342 000 человек, то есть рост составил 28,5 %. За первые три месяца 1933 г. лагеря ОГПУ приняли еще 142 000 человек. Около 60 % осужденных, поступивших в лагеря с Украины и Северного Кавказа, были крайне истощены и нетрудоспособны. За I квартал 1933 г. в лагерях умерло 14 369 человек против 13 926 человек за весь 1932 г.¹⁵ Резко увеличилось число больных, инвалидов и нетрудоспособных (слабосильных) вследствие полного истощения. Резкий рост числа заключенных объяснялся ужесточением репрессий в районах, охваченных массовым голодом.

Практически все лагеря ОГПУ были заняты на работах, которым высшее партийное руководство придавало большое значение. В числе таких лагерей значился Прорвинский ИТЛ, главной задачей которого было ведение крупного рыбопромышленного хозяйства. До 1932 г. рыбные промыслы, подведомственные ГУЛАГу ОГПУ, находились в Белом, Баренцевом (Кольский залив) и Японском морях. Подавляющее большинство районов, которые эксплуатировались лагерями в этих водоемах, находились на значительном удалении от центров рыболовства, они были плохо изучены и до занятия их лагерями никем не использовались. В 1932 г. лагерный улов был достаточно скромным – 162 560 центнеров рыбы-сырца.

¹⁴ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / составители А.И. Кокурин и Н.В. Петров. Москва: МФД, 2000. С. 64–65.

¹⁵ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: в 7 т. Т. 3. Экономика Гулага / ответственный редактор и составитель О.В. Хлевнюк. Москва: РОССПЭН, 2004. С. 95.

Морской причал Соловецкого лагеря ОГПУ в Белом море.
Укладка трески в бочки для транспортировки на материк. Начало 1930-х гг.
Источник: фонды Государственного музея истории ГУЛАГа

Во второй половине 1932 г. лагеря ОГПУ получили для хозяйственного использования новый рыбопромысловый район – Прорвинский, расположенный в северо-восточной части Каспийского моря. Вот как об организации Прорвинского промысла было доложено Сталину:

Данный район, находясь в 700 километрах от Астрахани, является наиболее отдаленным районом Северного Каспия и характеризуется чрезвычайным мелководьем, отсутствием пресной воды и ранними ледоставами, в силу чего он до сего времени каспийскими рыбопромышленными организациями освоен не был.

Прорвинский район был закреплен за лагерями в июле 1932 г., когда и было приступлено к его организации. К закрытию навигации 1932 г., т.е. в течение 4-х месяцев, промысел был в необходимой мере застроен и снабжен всем потребным для подготовки к весенней путине.

В течение зимы были возведены производственные строения и прорыт канал длиною около 3 км, облегчающий доступ к промыслу с моря¹⁶.

План вылова на 1933 г. был установлен для Прорвинского промысла в размере 170 000 центнеров, что составило 42 % от планового задания крупного рыбопромышленного Волго-Каспийского треста.

¹⁶ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 3. С. 104–105.

Официальный приказ об организации Прорвинского ИТЛ был издан 5 сентября 1932 г. Первоначально лагерь подчинялся ГУЛАГу ОГПУ и дислоцировался в Казахской АССР (так с июня 1925 г. по февраль 1936 г. называлась казахская национальная автономия на территории современного Казахстана), на острове Прорва в Каспийском море¹⁷. Начальником Прорвлага назначили члена ВКП(б) с 1920 г. Н.В. Теплова, 1898 года рождения, к тому времени уже более 10 лет работавшего в органах ВЧК–ОГПУ. Впоследствии он стал одним из руководителей управления милиции НКВД Казахской ССР¹⁸.

Новый рыболовецкий лагерь появился в системе ГУЛАГа неслучайно. Внимание ОГПУ к развитию рыбных промыслов силами заключенных объяснялось в тот период двумя обстоятельствами, важнейшим из которых был массовый голод, охвативший страну в начале 1930-х годов. Осуществляя директивы советского руководства о создании собственной базы снабжения, лагеря ОГПУ с середины 1932 г. наряду с выполнением крупных государственных заданий начали интенсивно развивать сельскохозяйственную и рыбопромысловую отрасли хозяйства. Общий план вылова на 1933 г. по всем трем бассейнам (Беломорскому, Дальневосточному и Каспийскому) был принят в количестве 430 000 центнеров сырца, что превышало фактический вылов 1932 г. более чем в два раза. Лагерная программа вылова входила составной частью в плановые задания наиболее крупных рыбопромышленных трестов.

Предпринимаемые руководством ОГПУ меры по снабжению лагерей питанием, а также одеждой и обувью оказались явно недостаточными. Если в 1932 г. смертность в ГУЛАГе составила 4,8 % от среднесписочного состава заключенных, то в 1933 г. она поднялась до 15,2 % и только в 1934 г. снизилась до 4,28 %. В Прорвинском ИТЛ дела обстояли не намного лучше. В 1933 г. смертность здесь была зафиксирована на уровне 10,1 % (среднегодовое число заключенных составляло 7 524 человека), а в 1934 г. смертность сократилась до 5,19 %, то есть при среднесписочном составе лагерного населения в количестве 9 283 заключенных за год в лагере умерло 482 человека¹⁹. Анализируя итоги хозяйственной деятельности ОГПУ за истекший год, зампред ОГПУ Г.Г. Ягода в письме от 31 декабря 1933 г. на имя Секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина и Председателя СНК В.М. Молотова отмечал:

¹⁷ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: справочник. С. 364.

¹⁸ Теплов Николай Владимирович // Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939. URL: https://nkvd.memo.ru/index.php/Теплов,_Николай_Владимирович (дата обращения: 14.05.2021).

¹⁹ Сведения о смертности в ИТЛ ОГПУ в % % за 1933 год. Смертность по ИТЛ НКВД за 1934 год // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 9, 10.

Развернутые в 1932–33 году рыбные промысла уже в этом году дали продукцию, полностью обеспечивающую потребность контингента. При этом добываемые высокоценные сорта рыбы сдаются лагерями государству в обмен на дешевые, идущие для котлового покрытия²⁰.

Рыбная продукция Соловецкого лагеря ОГПУ. Бочки с треской, подготовленные для сдачи государству. Надпись на дне бочки «Треска крупная УСЛООН». Начало 1930-х гг.

Источник: фонды Государственного музея истории ГУЛАГа

В последующие несколько лет смертность в Прорвинском ИТЛ, как и в целом в лагерях ГУЛАГа, постепенно снижалась. В 1935 г. в Прорвлаге умерло 194 человека, что составило 1,68 % к среднесписочному составу лагерного населения; в 1936 г. – 96 человек, или 1,06 %; в 1937 г. – 72 человека, или 0,9 %; в 1938 г. – 41 человек, или 0,63 %. В этот же период в среднем по лагерям ГУЛАГа смертность была значительно выше и фиксировалась в 1935 г. на уровне 3,63 %, в 1936 г. – 2,43 %, 1937 г. – 3,01 %, 1938 г. – 6,69 %²¹. Представленная статистика убедительно опровергает сложившееся в

²⁰ Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 1999. № 8. С. 126.

²¹ Сведения о смертности по ИТЛ НКВД за 1935 год. Сведения о смертности в ИТЛ НКВД в % % к среднесписочному составу лагнаселения 1935 года. Смертность за 1936 год по ИТЛ НКВД. Сведения о смертности по ИТЛ в % % к сред. списоч. составу лагнаселения за 1936 год. Смертность за 1937 г. (в абсолютных величинах). Смертность в % % к среднесписочному составу лагнаселения за 1937 год. Сведения о смертности по ИТЛ НКВД за 1938 год // ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 26, 27, 33, 34, 42, 43, 48, 49.

публицистической литературе мнение о Прорвинском лагере как о «лагере смерти». Во всяком случае, к 1930-м годам эта характеристика явно не подходит.

Выражение «Прорвалаг – лагерь смерти» впервые встречается в беллетризованных мемуарах бывшего заключенного, капитана дальнего плавания В.П. Корельского, доставленного этапом в Астраханскую тюрьму в мае 1943 г. из Ягринского ИТЛ (Архангельская область). Вспоминая свое пребывание в этой тюрьме, Корельский писал:

...впереди новый этап. Куда? Все сулило одно – Прорвалаг. Я стал готовиться к худшему: ходили слухи, что из Прорвы живыми не выходят. Но тут оказалось, что к моему прибытию этот лагерь прекратил свое существование. Весь контингент (говорили – семь тысяч бедолаг) вымерли от голода и какой-то эпидемии. Лагерь смерти захлебнулся собственной смертью²².

Здесь горькая правда перемешана с вымыслом. Сильного голода в рыболовецких лагерях, как правило, не бывало, а вот эпидемии случались. В 1942 г. в Астраханском лагере (так с апреля 1940 г. стал официально называться Прорвинский ИТЛ), в отдельном лагерном пункте (ОЛП) № 1, расположенному в Гурьеве (ныне Атырау), вспыхнула эпидемия холеры. Лагерный пункт был закрыт на карантин, но продолжал функционировать²³.

Интерес ОГПУ к рыбным промыслам объяснялся не только желанием улучшить снабжение лагерей рыбной продукцией. Было и еще одно обстоятельство, благодаря которому ОГПУ получило в свое распоряжение десятки специалистов рыбного дела и смогло наладить рыбный промысел в ГУЛАГе в промышленных масштабах. Речь идет о массовых политических репрессиях в рыбном хозяйстве. В 1930 г. эпицентром сталинского голода продолжала оставаться РСФСР, продовольственный кризис обострился и на территории Украины, но наиболее сильный голод наступил в Казахской АССР. По мнению современных историков, именно из Казахстана началось распространение массового смертельного голода по всей территории СССР. Его наступление – прямой результат хлебозаготовок 1929–1930 гг.²⁴ ОГПУ

²² Корельский В.П. На моём веку: Воспоминания, предания рода, размышления / литературная обработка, композиция, оформление М.К. Попова. Архангельск: Правда Севера, 1996. С. 146.

²³ Ильин И.А. Деятельность Астраханлага во время Великой Отечественной войны // Астраханские Петровские чтения: материалы IV Международной научной конференции (Астрахань, 19 декабря 2019 года) / под редакцией Е.Г. Тимофеевой, А.О. Тюрина. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2020. С. 222.

²⁴ Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. Кн. 1 / ответственный редактор В.В. Кондрашин. Москва: МФД, 2011. С. 19.

ответило на трагедию народов СССР массовыми политическими репрессиями. Под удар попали «вредители» – старые «буржуазные» специалисты, служившие в пищевой промышленности. 22 сентября 1930 г. советские газеты сообщили о раскрытии «контрреволюционной организации вредителей рабочего снабжения», а уже 25 сентября появилась информация о расстреле и заключении в концлагеря 48 специалистов, при этом никаких сведений о судебном процессе опубликовано не было²⁵. На «вредителей» возложили вину за дефицит мясной и рыбной продукции, возникший на самом деле не по вине мифических «вредителей», а в ходе насильтственной коллективизации.

Некоторую информацию об этом малоизвестном деле ОГПУ можно найти в воспоминаниях ихтиолога В.В. Чернавина, который назвал соответствующую главу своих «Записок “вредителя”» «Некрологом русского рыбного дела». Лично переживший репрессии 1930 года, Чернавин так писал о последствиях разгрома в рыбной отрасли промышленности:

В Институте рыбного хозяйства были арестованы ученые специалисты профессора Н.Н. Александров, А.Ф. Невраев и целый ряд служащих, в Управлении рыболовства – известные специалисты С.А. Тихенко и С.И. Паракин, в «Союзрыбке» в несколько дней не осталось никого из старых служащих. Такие же аресты всех сколько-нибудь заметных специалистов и служащих шли в провинции. К осени 1930 года разгром рыбного дела во всех его отраслях – научной, административной, промышленной и торговой – был полный. <...> Дело перешло в так называемые «пролетарские» руки, то есть не в руки рабочих, а людей, дела не знаящих. И результаты должны были сказаться. Они выяснились быстрее и резче, чем этого можно было ожидать²⁶.

Так, план улова на 1932 г., несмотря на заметное снижение по сравнению с 1931 г., был выполнен всего на 69,4 %. И это согласно официальной статистике, на деле все обстояло значительно хуже. В несколько раз выросла себестоимость заготавливаемой рыбы, и, соответственно, резко подскочила цена на готовую продукцию. После расправы над «вредителями» начались массовые аварии на море и гибель рыболовецких судов, что повлекло за собой новые аресты.

Однако самым печальным итогом репрессий в рыбном хозяйстве был расстрел 26 (по некоторым сведениям 28) ученых и специалистов в сфере рыболовства. Среди убитых были М.П. Арцыбушев, руководитель рыбной промышленности Волго-Каспийского района; А.В. Езорский, долгое время бывший председателем Волго-Каспийского государственного треста, затем организовавший Рыбопромышленный синдикат и ставший его председателем;

²⁵ Чернавин В.В., Чернавина Т.В. Записки «вредителя»; Побег из ГУЛАГа. Санкт-Петербург: Канон, 1999. С. 84.

²⁶ Чернавин В.В., Чернавина Т.В. Записки «вредителя»; Побег из ГУЛАГа. С. 85.

С.П. Никитин, председатель Волго-Каспийского государственного треста – самого крупного из государственных рыбных трестов СССР, и многие другие. Десятки репрессированных специалистов были приговорены к различным срокам лишения свободы и направлены в ГУЛАГ. Так, например, в Прорвинском лагере с первых дней его создания отбывал наказание А.А. Клыков, приговоренный к 10 годам ИТЛ. Это был видный ихтиолог и товаровед, автор популярной книги-учебника «Рыба и рыбные товары», крупный специалист по рыболовству Каспийского моря.

Репрессии не прекратились ни в 1930-м, ни в последующие годы. Когда в лагерях начинал ощущаться недостаток специалистов определенной квалификации, ОГПУ решало вопрос путем ареста лиц нужных специальностей, объявляя их «вредителями». В одном из рапортов ОГПУ прямо говорилось о том, что при нехватке инженерно-технических кадров «...в процессе следствия будут доарестованы еще несколько подходящих лиц»²⁷.

Для учета и рационального использования осужденных специалистов ОГПУ издало 25 октября 1933 г. циркуляр следующего содержания:

В целях планомерного распределения и лучшего использования вновь осуждаемых специалистов ПП [Полномочные представительства] ОГПУ должны сообщать в ГУЛАГ ОГПУ о всех высококвалифицированных специалистах как осужденных Тройками ПП к лишению свободы, так и осужденных органами НКЮ, находящихся на территории данного ПП ОГПУ <...> Сведения высылаются на всех инженеров, техников, профессоров, научных работников, врачей, агрономов, плановиков-экономистов и крупных адмхозработников (директоров, членов правлений объединений и трестов). По получении от ПП ОГПУ сведений, ГУЛАГ ОГПУ будет выдавать индивидуальные наряды на отправление осужденных специалистов в лагеря²⁸.

Вскоре на основании данного циркуляра в Прорвинский ИТЛ была направлена группа специалистов рыбного хозяйства. Это были гидробиологи, ихтиологи и другие знатоки ихтиофауны различных морей, работавшие на Мурманской биологической станции Государственного океанографического института СССР. Здесь в 1933 г. прошли массовые аресты сотрудников, многие из которых были обвинены во вредительстве и осуждены по ст. 58 п. 7 УК РСФСР к заключению в ИТЛ на срок от 3-х до 5-ти лет. Что могло считаться вредительством? Например, у М.С. Идельсона, направленного для отбывания наказания в Прорвинский ИТЛ, обвинение, по словам его коллеги

²⁷ Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / составители А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. Москва: МФД, 2005. С. 51.

²⁸ Циркуляр ОГПУ № 109 от 25 октября 1933 г. // Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918–1958. Москва: РОССПЭН, 2015. С. 170.

В.С. Танасийчук, состояло в том, что, будучи в Мотовском заливе (в Баренцевом море), он обнаружил один крупный косяк рыбы и дал радиограмму о нем, а о втором небольшом косяке не сообщил. «Почему?» – «Сам не знаю, не придал ему значения»²⁹. В этот период в разных лагерных отделениях Прорвинского ИТЛ оказались в заключении многие исследователи моря и его обитателей: капитан научного экспедиционного судна «Персей» И.Н. Замяткин; гидрограф А.В. Соколов, гидробиолог М.С. Идельсон; капитан научно-исследовательского судна «Николай Книпович» Т.И. Антуфьев и др. Северный Прикаспий на долгие годы стал местом заключения и ссылки Н.П. Танасийчука, ведущего ихтиолога, заместителя начальника Мурманской биостанции, которого в 1933 г. арестовывали дважды. Сначала – за вредительскую деятельность, направленную «к срыву мероприятий Советской власти по выполнению рыбопромысловой программы», затем – за вхождение в «контрреволюционную вредительскую группу научных сотрудников». 23 декабря тройка Полномочного представительства ОГПУ приговорила его по ст. 58 п. 7 УК РСФСР к трем годам заключения в концлагерь и к последующей ссылке, направив для отбытия наказания в Астраханское лаготделение Прорвинского ИТЛ³⁰.

Лагерные порядки в этот период отличались определенным своеобразием, даже некоторым либерализмом, особенно в части отношения к заключенным специалистам. Например, любой лагерь по предварительному согласованию с Главным управлением лагерей мог направить своих заключенных в командировку в Москву. Так, 31 мая 1933 г. из Прорвлага в Москву прибыл командированный заключенный, имевший 10-летний срок наказания, осужденный по ст. 58 п. 6 (шпионаж) и п. 8 (террор). Семья заключенного проживала в Москве. Поскольку конвоир не имел никаких специальных указаний, он не стал препятствовать тому, что на вокзале заключенного встретила семья и другие лица. Далее, вместо того, чтобы явиться в Главное управление лагерей, командированный специалист из Прорвинского ИТЛ поехал к себе на квартиру, где оставался до 1 июня. За игнорирование приказаний начальника ГУЛАГа М.Д. Бермана «о недопущении присылки заключенных в командировку в Москву без предварительного согласования с ГУЛАГом» к руководству Прорвлага были применены дисциплинарные взыскания – начальнику лагеря Сорокину объявили выговор, начальнику III отдела арестовали на 5 суток³¹. Важно отметить, что практика посылки

²⁹ Танасийчук В.С. Аресты на мурманской биологической станции в 1933 году // Репрессированная наука. Санкт-Петербург: Наука, 1994. Вып. 2. С. 7.

³⁰ Танасийчук В.С. Аресты на мурманской биологической станции в 1933 году. С. 7–9.

³¹ Приказ № 68. 1 июля 1933 г. // ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 3. Л. 88.

заключенных в служебные командировки в Москву не порицалась, осуждалось лишь нарушение правил оформления таких командировок.

В начале 1930-х годов от осужденных, как и от их родственников, еще не скрывали место отбывания наказания. Это позволяло женам переезжать поближе к месту заключения их мужей, искать там работу, что, конечно, значительно облегчало участь невинно осужденных. Так, жена Н.П. Танасийчука, В.С. Танасийчук, как только узнала, что мужа направляют в Астрахань, сумела быстро получить место гидробиолога на Волго-Каспийской научной рыбохозяйственной станции и обосноваться в Астрахани. Осужденные, и тем более их родственники, редко могли сказать, как официально называлось то или иное место заключения. Именно поэтому в мемуарах В.С. Танасийчук чаще всего речь идет просто о концлагере или лагере. Вот как она описывала место, где отбывал наказание ее муж:

Лагерь располагался километрах в 3–4 от Астрахани. Я доеzzжала на трамвае до кладбища и дальше шла пешком степью. Лагерь был огорожен колючей проволокой с наблюдательными башенками. У ворот стояли часовые. Через лагерь протекала речка, соединенная с Волгой (может быть, рукав дельты), и туда приходили гулаговские промысловые суда (с черными парусами в отличие от обычных рыбачьих судов, у которых паруса были светлые) и суда-приемки. Был приемный плот; Н.П. [Николай Парфентьевич] был плотовым, т. е. приемщиком рыбы. Политические и уголовники были перемешаны, хотя наши все жили в одном маленьком домике.

Вообще в те годы жизнь в концлагере была не очень трудной. Легко давали свидания. Я приходила после работы ежедневно, приносила передачу. В лагере кормили по тем временам сносно, на воле питались не лучше. Но у нас был рынок, где было все: мясо, яйца, молоко, овощи, рыба. Я подходила к воротам и просила часового вызвать “такого-то”. Он кричал кому-нибудь из лагерников, и Н.П. [Николай Парфентьевич] приходил и даже выходил за ворота. Можно было разговаривать, сколько хотелось (хоть час, хоть полтора), и никто нас не слушал (конечно, вечером, после работы)³².

Рассказ Танасийчук об «астраханском концлагере» относится к лету 1934 г., но в этот период в Астрахани не было самостоятельных лагерей. Наложение словесного описания местоположения лагеря на схематический план Астрахани 1925 г.³³ дает основание предположить, что речь идет о Болдинской

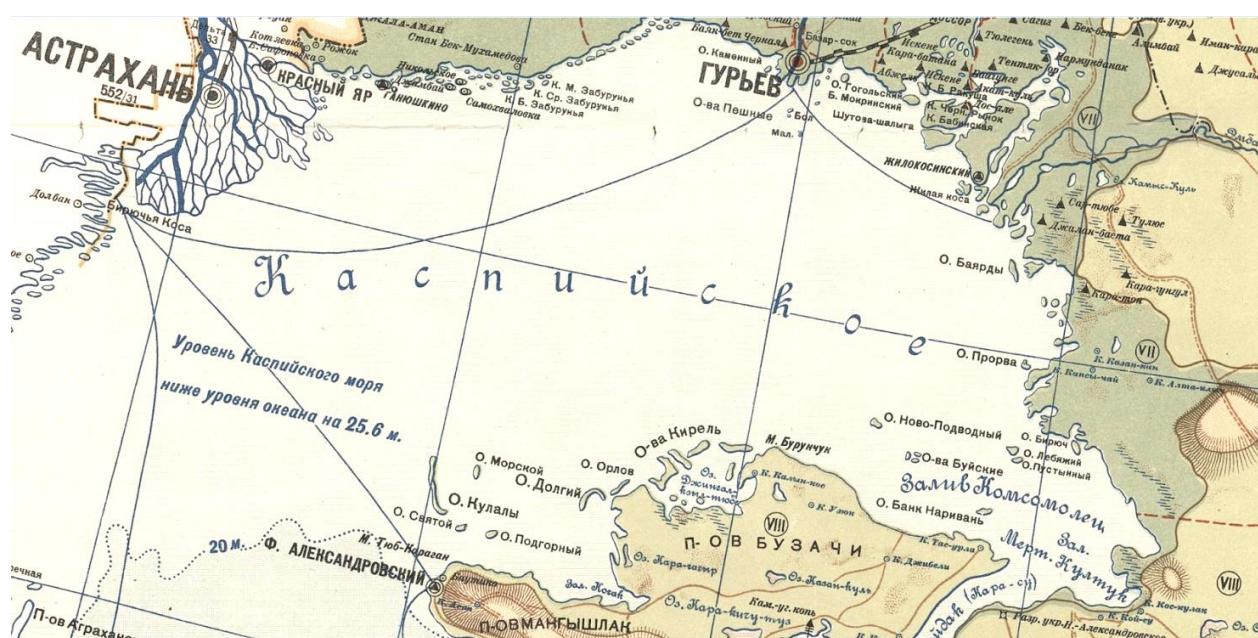
³² Танасийчук В.С. Аресты на мурманской биологической станции в 1933 году. С. 8.

³³ Схематический план города Астрахани. Приложение к справочнику «Вся Астрахань». Астрахань: Коммунист, 1925 // Астрахань в кармане: путеводитель. URL: http://www.etomesto.ru/download.php?map=astrahan_1925-astrakhan-v-karmane (Дата обращения: 14.05.2021).

командировке, расположенной на реке Болде, Астраханского ОЛП Прорвинского ИТЛ. Через эту командировку проходила реализация всей рыбной продукции лагеря.

В рассказе Танасийчук нет ясности и в том, что гулаговские промысловые суда ходили под черными парусами. Эта информация активно используется в краеведческой публицистике, однако документальных подтверждений пока не находит.

Ведомственная принадлежность Прорвлага, местоположение его управления и структура лагеря неоднократно менялись. В разные годы Прорвинский ИТЛ подчинялся ГУЛАГу ОГПУ, краевым органам ОГПУ и НКВД по Нижне-Волжскому и Стalingрадскому краям, с 1936 г. находился в непосредственном ведении ГУЛАГа НКВД СССР. Управление лагеря в разные периоды дислоцировалось на острове Прорва в Каспийском море, в Астрахани и Гурьеве³⁴. Лагерь неоднократно реорганизовывался и включал в себя отделения, лагпункты, командировки.

Карта Прикаспийского региона Казахстана, где располагались лагерные подразделения Прорвинского ИТЛ. Казакстанское издательство. 1931 г.

Источник: URL: http://www.etomesto.ru/map-kazakhstan_1931 (Дата обращения 10.05.2021)

Кроме Болдинской командировки Астраханского ОЛП, в структуре Прорвлага находилась Бурунчукская командировка, расположенная на мысе Бурунчук полуострова Бузачи Северного Каспия. Она была прикреплена к Гурьевскому лаготделению и в основном занималась ловом рыбы ставными

³⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. С. 364–365.

неводами³⁵. Это было наиболее отдаленное от лагерного управления подразделение Прорвинского ИТЛ. Сообщение с Бурунчукской командировкой производилось только водным путем, расстояние от Астрахани, по принятому курсу следования судов, составляло около 780 км³⁶. Наложение словесного описания местонахождения этой командировки на карту Восточного побережья Каспийского моря 1902 года³⁷ и сравнение с современной картой полуострова Бузачи позволило предположить, что Бурунчурская командривка (лагпункт) находилась на месте старинного русского селения Заворот (Джандаур), расположенного на территории современного Казахстана.

В 1934 г. Прорвинский ИТЛ выловил 171 200 центнеров рыбы при плане в 160 000 центнеров, что составило 107 % плана. Это позволило наркому внутренних дел СССР Г.Г. Ягоде доложить в январе 1935 г. И.В. Сталину: «Результаты лова 1934 года дают основание считать Прорвинский район освоенным для дальнейшего развития в нем рыболовства». На 1935 г. программа лова Прорвинскому лагерю была увеличена до 210 000 центнеров³⁸.

Рыбное хозяйство Прорвлага имело промысловый флот в количестве до 1 115 единиц, в том числе 101 моторное судно и 4 парохода, а также вспомогательные и обслуживающие суда. Весь рыбопромысловый флот и орудия лова были распределены и закреплены за отдельными лагерными подразделениями Прорвинского ИТЛ. В их числе одним из наиболее крупных было Гурьевское отделение, расположенное на правом берегу реки Урал ниже на 7 километров города Гурьева Казахской ССР, с населением до 2 000 человек. Для обработки добываемой рыбы лаготделение имело один береговой и два плавучих рыбозавода³⁹. Следует заметить, что вся продукция, выпускаемая Прорвинским ИТЛ, реализовывалась в системе ГУЛАГа НКВД.

Перспективным подразделением из-за близости к морю считалось Мумринское отделение с населением до 2 200 человек. Оно располагалось в 90 километрах по воде от Астрахани в Икрянинском районе Сталинградской области. Отделению передали рыболовецкие и обслуживающие суда, два плавучих рыбозавода, а также необходимое для лова и обработки рыбы

³⁵ Краткая характеристика политico-экономического состояния Астраханлага НКВД // ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 22.

³⁶ Рыбная промышленность // ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 28. Л. 79.

³⁷ Карта восточного побережья Каспийского моря. Приложение к отчету о рыболовстве на восточном побережье Каспийского моря есаула Д. Ливкина. 1902 г. // ЭтоМесто. URL: http://www.etomesto.ru/map-astrahan_kaspriy-1902 (Дата обращения: 14.05.2021).

³⁸ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 3. С. 124.

³⁹ Краткая характеристика политico-экономического состояния Астраханлага НКВД // ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 22.

оборудование. Здесь были построены бараки для заключенных, контора для вольнонаемных служащих, механическая мастерская, планировалось строительство стационарного рыбозавода.

В 12 километрах от Астрахани на берегу реки Прямая Болда располагался Астраханский ОЛП с лагнаселением до 1 100 человек. Основным видом работ этого лагерного пункта была обработка рыбы на береговом рыбозаводе (посол и копчение). Хранением готовой продукции в специальном холодильнике-леднике занималась Болдинская командировка, входившая в состав Астраханского ОЛП.

Во всех отделениях работали механические мастерские, где осуществлялся ремонт двигателей моторного флота, мастерские по изготовлению и ремонту орудий лова и другие подсобные производства. Бондарные мастерские изготавливали и ремонтировали тару для фасовки рыбной продукции. Практически все работы осуществлялись ручным способом. Прорвинский ИТЛ располагался в безлесной полосе, и вся производственная, строительная и ремонтная деятельность лагерных подразделений зависела исключительно от привозного леса. В качестве строительных материалов широко применялся саман, камышитовые щитки, которые вырабатывались на месте. Основным средством связи и передвижения между лагерными подразделениями служил водный транспорт.

Большая часть территории Прорвинского лагеря находилась в зоне резко континентального климата. В течение года там наблюдались сильные перепады температуры – в зимнее время температура опускалась до минут 30 градусов и ниже, а летом повышалась до 40 и более градусов. Осадков и в зимнее, и летнее время выпадало очень мало, а вот ветры, порой достигавшие силы 10–12 баллов, не стихали круглый год. Как отмечалось в краткой характеристикике политico-экономического состояния лагеря,

наличие ветров затрудняет промысел рыбы, иногда на протяжении целого месяца бывает 2–3 дня тихой погоды, а в остальные дни сила ветра достигает от 3-х до 5 баллов⁴⁰.

Управление лагеря в конце 1930-х – начале 1940-х гг. находилось в Астрахани, удаленной от Москвы на 1 526 километров. Связь с Москвой осуществлялась железнодорожным и воздушным транспортом. Кроме заключенных в лагере работали и вольнонаемные кадры, среди которых были и те, которые отбыли наказание и остались на рыбном промысле в качестве наемных работников. К началу 1940-х годов в лагере работали по вольному

⁴⁰ Краткая характеристика политico-экономического состояния Астраханлага НКВД // ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 24.

найму 938 человек, включая сотрудников военизированной охраны. Среди них насчитывалось 148 членов ВКП(б) и 245 членов ВЛКСМ. Инженерно-технические должности занимали 75 человек⁴¹. Некоторые специалисты из числа бывших заключенных, направленные после отбытия наказания на спецпоселение, пытались осесть и найти работу в Гурьеве. По воспоминаниям В.Н. Танасийчука (сына Н.П. Танасийчука), ссылочным родителям которого удалось добиться разрешения на проживание в пределах Гурьевской области, Гурьев в этот период был небольшим городом,

где вдоль берегов Урала стояли бесчисленные ветряки, качающие воду на огороды, а с неба сыпалась сажа, ибо топили здесь мазутом. Гурьев был добрым для нас. Мы получили комнату в доме Рыбхозстанции, где родители были единственными сотрудниками, а я — лаборантом... Отца мы почти не видели — он пропадал на промыслах по всему Северному Каспию⁴².

Заключение

Прорвинский лагерь был закрыт, а точнее, реорганизован и переименован в Астраханский лагерь 17 апреля 1940 г. Ныне его нередко называют одним из забытых островов архипелага ГУЛАГ. В этом есть большая доля истины. На местах расположения лагерных подразделений не выросли города и поселки, как это было в Сибири, на Крайнем Севере или Дальнем Востоке. Лагерь не оставил следов в памяти местного населения, поскольку местность, где советская власть организовала Прорвлаг, была не только безводной, но и безлюдной. ОГПУ организовало Прорвинский ИТЛ с целью создания собственной базы снабжения лагерного населения рыбной продукцией, поскольку с 1932 г. государство прекратило снабжать лагеря рыбой. Заключенные осваивали новый рыбопромысловый район в тяжелейших климатических, бытовых, производственных и санитарных условиях, внося значительный вклад в освоение и развитие Казахстанского сектора Каспия.

⁴¹ Краткая характеристика политico-экономического состояния Астраханлага НКВД // ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 23.

⁴² Танасийчук В.Н. Дорога в Джурун и обратно // Звезда. 1998. № 11. С. 213.

Introduction

The history of the GULAG has been attracting the attention of specialists for several decades.¹ Until the early 1990s, the study of the Soviet camp system had been the privilege of Western researchers, who had no censorship restrictions in the ideological sphere.² However, their works were mainly based on the testimonies of the participants in the events and the memoirs of eyewitnesses who were mostly defectors and emigrants from the USSR and, as a rule, did not possess reliable information about the GULAG.³ The regime of state security and secrecy was the reason why neither Russian nor foreign researchers had any reliable information about the activities of various divisions of the NKVD of the USSR, including camp production administrations.

All studies of the GULAG at a qualitatively new level became possible only after the opening of the Soviet archives, when the process of declassification and further publication of a large body of documents on the history of political repression and forced labor began for the first time. Over the past three decades, hundreds of works have appeared both in Russia and abroad, including scientific publications devoted to regional aspects of the history of the GULAG.⁴ Studies on the history of the camp system in Northern European Russia,⁵ Western Siberia,⁶ Far East, Northeast,⁷ and

¹ L. Zorin, *Soviet prisons and concentration camps: an annotated bibliography, 1917–1980* (Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980).

² R. Conquest, “Forced labour statistics: some comments,” *Soviet Studies*, vol. 34, no. 3 (July) (1982): 434–39; S. Rosefield, “Incriminating evidence: excess deaths and forced labour under Stalin: A final reply to critics,” *Soviet Studies*, vol. 39, no. 2 (April) (1987): 292–313.

³ S. Rosefield, “An assessment of the sources and uses of GULAG forced labour 1929–56,” *Soviet Studies*, vol. 33, no. 1 (January) (1981): 51–87; S.G. Wheatcroft, “On assessing the size of forced concentration camp labour in the Soviet Union, 1929–1956,” *Soviet Studies*, vol. 33, no. 2 (April) (1981): 265–95; S.G. Wheatcroft, “Towards a thorough analysis of Soviet forced labour statistics,” *Soviet Studies*, vol. 35, no. 2 (April) (1983): 223–37.

⁴ E. Bacon, *The GULAG at war: Stalin’s forced labour system in the light of the archives* (New York: New York University Press, 1994); G.M. Ivanova, *GULAG in the system of a totalitarian state* [in Russian] (Moscow: MONF, 1997); J.R. Harris, “The growth of the Gulag: forced labour in the Urals region, 1921–1931,” *The Russian Review*, vol. 56, no. 2 (April) (1997): 265–80; A.V. Zakharchenko and A.I. Repinetskii, *Top secret. Osobstroi-Bezmyanlag. 1940–1946 (from the history of the USSR’s NKVD system of camps in Kuibyshev Oblast)* [in Russian] (Samara: NTTs, 2008); M. David-Fox, ed., *The Soviet Gulag: Evidence, interpretation, and comparison*, transl. O. Barash, et al. (St Petersburg: Academic Studies Press / BiblioRossika, 2020); et al.

⁵ N.V. Upadyshev, “‘The great terror’ and the development of the camp system in the European North of Russia” [in Russian], *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, no. 2 (2012): 87–93; N.V. Upadyshev, “Vorkuta correctional labor camp during the Great Patriotic War” [in Russian], *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, no. 3 (2012): 35–45.

⁶ W.T. Bell, *Stalin’s GULAG at war: forced labour, mass death and Soviet victory in the Second World War* (Toronto: University of Toronto Press, 2018).

other regions of the Soviet Union have been published. However, despite the abundance and diversity of published works, modern historians are not inclined to claim that there are no blank spots left on the map of the GULAG. There are still very large gaps in the study of the GULAG history, including the problem of formation and functioning of small regional camps in the areas where the camp system was not widespread. For example, the fishing camps in the Caspian Sea region, Prorva Island camp (Prorvlag) in particular, have been very little studied so far. Historians have no exact information on the location of individual structural subdivisions of this camp. There are no objective answers to the questions about the reasons, purposes, tasks, and conditions of formation and functioning of the fishery camp complex established in the early 1930s in the Kazakhstan sector of the Caspian Sea. Therefore, the purpose of this study is to find answers to the remaining questions and to fill the existing gaps as far as possible.

The source base of the study includes documents from the archives of the Main Administration of Places of Confinement of the Ministry of Internal Affairs of the USSR stored in the State Archive of the Russian Federation (GARF, F. R-9414), supplemented by a considerable collection of other publications. Memoirs and testimonies of persons involved in the history of the GULAG in the Caspian region were also referred to. Geographical maps produced in the first half of the 20th century were of particular importance for determining the location of individual subdivisions of Prorva Island correctional labor camp.⁸ By superimposing the verbal descriptions of camp subdivisions onto the maps of the same period, it was possible to clarify the location of some facilities of the camp.

The underlying methodological principle is the critical analysis of the entire body of factual material and of the new archival documents in particular. All materials were studied using structural, functional and systems analysis, which made it possible to consider Prorvlag as a socio-economic structure and to determine its place and role in the history of the GULAG and the country as a whole. The chronological framework of the study is determined by the time of existence of the Prorva Island correctional labor camp.

Main body

In the memoir literature, the information about Prorvlag is sporadic, and as a rule, the stories about the camp are uninformative and contradictory. One of the first

⁷ G.A. Tkacheva, “Forced labor in the Far East region. 1941–1945” [in Russian], *Rossiya i ATR*, no. 4 (42) (2003): 29–40; A.I. Shirokov, *Dalstroi in the socio-economic development of the North-East of the USSR (1930 – the 1950s)* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2014).

⁸ Map of the Kazakh ASSR with mapping of the district system introduced on October 1, 1928, Kazakstanskoe izdatel'stvo, 1931, accessed may 10, 2021, http://www.etomesto.ru/map-kazakhstan_1931

descriptions of this camp is contained in the memoirs of Pyotr Yakir, the son of a prominent military leader Ion Yakir, who was executed by shooting in 1937 in the Tukhachevsky Case. Pyotr Yakir, who was serving his sentence in the Astrakhan prison, was put in a punishment cell for some offence. There he met a military man who had been brought to the Astrakhan prison from the camp for further investigation. That military man was convicted of treason under Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR and sentenced to 25 years in labor camps. The life in the punishment cell was not disturbed by any events and all their days were filled with conversations and stories. Pyotr Yakir cited one of those stories in his memoirs:

After being convicted, the military man was sent to Prorvlag, which got its name from Prorva Island of the Caspian Sea, not far from the city of Guryev. The camp was engaged in fishing and fish processing. It was hard work, but there was plenty of fish to eat. Two of his friends, military pilots, one of whom had returned from Spain just before his arrest and had been awarded the Order of Lenin, worked in the camp on a motorboat. One day, when a small storm came up, they steered their boat, with four other convicts on board, southward to evade the patrol boats. Firing came up but the wind was so strong that the experienced navigators escaped the sight of the camp guards. The border guard wanted to intercept them but they slipped safely into Persian waters. After this incident, all the inmates convicted under Article 58 were removed from work connected with going to sea, and the military man was put in the central detention center after being accused of aiding and abetting the escape. As no one could find a way to add anything to his sentence (he had served less than a year of his 25-year sentence), he was sent to the prison in Astrakhan.⁹

The story by Pyotr Yakir, which was available to the western readers as early as in 1972, gave some information about the location of Prorvlag, the composition of the prisoners, and the production activities of the camp. A dynamic plot with a touch of romance made Yakir's narrative quite memorable. In Russia, memoirs of similar content began to be published only in the early 1990s.

There are practically no scientific studies on the history of the GULAG in the Caspian region, the exception being small reference articles on separate labor camps published in 1998 in the reference book *The System of Correctional Labor Camps in the USSR. 1923–1960*.¹⁰ In recent years, the subject of the Caspian fishing camps has

⁹ P.I. Yakir, *A childhood in prison: Memoirs of Pyotr Yakir* [in Russian], foreword by Yu. Telesin (London: Macmillan, 1972), 55–56.

¹⁰ M.B. Smirnov, comp., *The system of correctional labor camps in the USSR. 1923–1960: a reference book* [in Russian] (Moscow: Zven'ya, 1998).

attracted the attention of Kazakh scientists,¹¹ and it has been repeatedly discussed at various international and national conferences in Kazakhstan.¹² For a productive continuation of the work on this issue, it is necessary to expand the source base by attracting new documents from the state archives both of the Russian Federation and of the Republic of Kazakhstan.

In the late 1920s, a network of concentration camps began to be formed in the Soviet Union. On June 27, 1929, they were officially renamed “correctional labor camps” following the decision of the Politburo of the Central Committee of the VKP(b).¹³ It should be noted that despite the renaming, the term “concentration camp” was used in official regulatory acts and in informal conversations for quite a long period of time. On July 11, 1929, the government instructed the OGPU to organize a number of new large camps in remote areas of the Soviet Union for the purpose of populating those areas and developing their natural resources.¹⁴ The camps were under the jurisdiction of the Joint State Political Administration (OGPU). In 1930, the Main Administration of Camps (GULAG) was established as a part of the OGPU.

According to the report by the OGPU Deputy Chairman Genrikh Yagoda to Stalin on the economic activities of the camps in 1932 and the first quarter of 1933 as of January 1, 1932, there were 266 000 prisoners in the OGPU camps. In 1932, the population of the GULAG camps was growing steadily and had reached 342 000 prisoners by January 1, 1933, i.e. it increased by 28.5%. During the first three months of 1933, the OGPU camps accepted 142 000 more people. About 60% of the convicts who were brought to the camps from Ukraine and the North Caucasus were extremely emaciated and unable to work. In the first quarter of 1933,

¹¹ U.T. Akhmetova and A.Zh. Zhumabaev, “Prorva Island camp in the GULAG system (1932–1950)” [in Kazakh], *Vestnik ZKGU*, no. 3 (79) (2020): 138–46, [https://doi.org/10.37238/1680-0761.2020.79\(3\).14](https://doi.org/10.37238/1680-0761.2020.79(3).14)

¹² L.V. Bolonina, “Establishment of the Prorva Island forced labor camp in Astrakhan Oblast and its production and economic activities” [in Russian], in *Crossroads of history. Topical problems of historical science: Proceedings of the 12th international scientific and practical conference (Astrakhan, April 29, 2016)*, ed. E.G. Timofeeva, A.O. Tyurin, A.V. Syzranov (Astrakhan: Sorokin Roman Vasil'evich, 2016), 76–79; U.T. Akhmetova and E.K. Muktar, “From the history of the Prorva Island labor camp (1932–1950)” [in Kazakh], in *II Study of the native land: its importance and priorities: Proceedings of the Republican online scientific and practical conference (Saray-Jük, May 15, 2020)*, ed. E.K. Muktar (Atyrau – Saray-Jük: Sarashyk memlekettik tarikhi-medeni muzei қорығы, 2020), 38–44.

¹³ “TsK VKP(b). Politbyuro. Protokol № 86, punkt 11 ot 27.VI.1929 g.” [Central Committee of the VKP(b). Politburo. Protocol no. 86, paragraph 11 as of April 27, 1929]. F. 17, op. 163, d. 791, l. 22. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History] (RGASPI), Moscow, Russia.

¹⁴ A.I. Kokurin and N.V. Petrov, comps., *GULAG: Main administration of camps. 1918–1960* [in Russian] (Moscow: MFD, 2000), 64–65.

14 369 persons died in the camps, while in the entire year 1932 only 13 926 died.¹⁵ The number of the prisoners who were sick, invalid or incapable of work due to emaciation grew dramatically. The sharp increase in the number of prisoners was explained by the stiffening of political repression in the areas of mass starvation.

Almost all of the OGPU camps were engaged in work that was considered very important by the top party leadership. Prorvlag was among such camps as its main task was to develop a large-scale fishing ground. Until 1932, fishing grounds operated by the GULAG of the OGPU were situated in the White Sea, in the Barents Sea (Kola Bay), and in the Sea of Japan. Most of the areas exploited by the camps in these bodies of water were located at a considerable distance from the centers of fishing industry, were poorly explored, and had not been used by anyone else before they were occupied by the camps. In 1932, the catch of the camps was quite modest (162 560 quintals of raw fish).

Sea quay of the Solovki camp of the OGPU in the White Sea.
Packing cod in barrels for shipping to the mainland. Early 1930s.

Source: fonds of the GULAG History Museum

In the second half of 1932, the OGPU camps received a new fishing area, Prorva Island located in the northeastern part of the Caspian Sea, for economic use. This is how the organization of the local fishing ground was reported to Stalin:

¹⁵ *History of the Stalin's Gulag. The late 1920s – the first half of the 1950s* [in Russian], vol. 3, *The Gulag's economy*, ed. O.V. Khlevnyuk (Moscow: ROSSPEN, 2004), 95.

This region, which is 700 kilometers away from the city of Astrakhan, is the most remote area of the Northern Caspian Sea and is characterized by extremely shallow water, lack of fresh water, and early freeze-ups, which is why it has not yet been developed by any Caspian fisheries.

The Prorva district was assigned to the camps in July 1932, and its development was started straight away. By the end of navigation in 1932, i.e. within 4 months, a fishery was built in the required extent and equipped with everything necessary for the preparation for the spring fishing season.

During the winter, production buildings were erected and a canal of about 3 km long was dug to facilitate access to the fishery from the sea.¹⁶

The plan for 1933 was set for the Prorvlag fishery at 170 000 quintals, which amounted to 42% of the planned task of the major fishing industry trust, the Volga-Caspian Trust.

The official order on the formation of the Prorva Island correctional labor camp was issued on September 5, 1932. Initially, the camp was subordinated to the GULAG of the OGPU and was located in the Kazak ASSR (as the Kazakh national autonomy in the territory of the present-day Kazakhstan was called from June 1925 to February 1936) on Prorva Island in the Caspian Sea.¹⁷ N. Teplov, a VKP(b) member since 1920, was appointed the head of Prorvlag. He was born in 1898 and by that time he had already worked in the organs of the VChK and the OGPU for over 10 years. Subsequently, he became one of the leaders of the police department of the NKVD of the Kazakh SSR.¹⁸

The new camp which was intended for the development of fishing industry did not appear in the GULAG system by chance. The OGPU's attention to the development of fisheries by prisoners at that time was preconditioned by two circumstances. The most important of these circumstances was the famine that gripped the country in the early 1930s. From the middle of 1932, implementing the directives of the Soviet leadership on creating their own supply base, the OGPU camps began to intensively develop the agricultural and fishing industries in addition to fulfilling major government assignments. The plan for 1933 for all three basins (the White Sea Basin, the Far East Basin and the Caspian Sea Basin) was adopted in the amount of 430 000 quintals of raw fish, which exceeded the actual catch of 1932 more than twice. The catch program of the camps was a part of the program of the largest fishery trusts.

¹⁶ *History of the Stalin's Gulag*, vol. 3, 104–5.

¹⁷ Smirnov, *The system of correctional labor camps in the USSR*, 364.

¹⁸ “Teplov Nikolai Vladimirovich” [in Russian], Personnel of the state security agencies of the USSR. 1935–1939, accessed May 14, 2021, https://nkvd.memo.ru/index.php/Теплов,_Николай_Владимирович

Measures taken by the OGPU leaders to provide camps with food, clothes, and footwear proved to be clearly insufficient. While in 1932 the death rate in the GULAG was 4.8% of the average number of the prisoners, in 1933 it rose to 15.2%, and only in 1934 it decreased again to 4.28%. The situation in Prorvlag was not much better. In 1933, the death rate was 10.1% (the average annual number of the prisoners was 7 524). In 1934, the death rate dropped to 5.19%, i.e. 482 persons died there during the year while the average number of the prisoners in the camp was 9 283 people.¹⁹ On December 31, 1933, G. Yagoda, Deputy Head of the OGPU, sent a letter to the Secretary of the Central Committee of VKP(b) J. Stalin and to the Chairman of the Council of People's Commissars of the Soviet Union V. Molotov. Analyzing the results of the OGPU's economic activity for the past year, he noted:

The fisheries established in 1932–1933 have already provided enough products to fully satisfy the contingent's needs this year. Fish species of high value are supplied by the camps to the state in exchange for fish species of low value, which are used for communal feeding.²⁰

In the next few years the mortality rate in Prorvlag, as well as in the GULAG camps as a whole, gradually decreased. In 1935, there were 194 deaths in Prorvlag, which amounted to 1.68% of the average camp population. In 1936, there were 96 deaths, or 1.06% of the average camp population; in 1937, 72 deaths, or 0.9%; in 1938, 41 deaths, or 0.63%. During the same period, the average mortality rate in the GULAG camps was much higher: 3.63% in 1935; 2.43% in 1936; 3.01% in 1937; and 6.69% in 1938.²¹ The presented statistics convincingly contradict the opinion

¹⁹ "Svedeniya o smertnosti v ITL OGPU v % % za 1933 god. Smertnost' po ITL NKVD za 1934 god" [Mortality rate in the correctional labor camps of the OGPU in percentage terms for 1933. Mortality in the correctional labor camps of the NKVD for 1934]. F. R-9414, op. 1, d. 2740, ll. 9, 10. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

²⁰ A.I. Kokurin and N.V. Petrov, "GULAG: structure and personnel" [in Russian], *Svobodnaya mysl'*, no. 8 (1999): 126.

²¹ "Svedeniya o smertnosti po ITL NKVD za 1935 god. Svedeniya o smertnosti v ITL NKVD v % % k srednespisochnomu sostavu lagnaseleniya 1935 goda. Smertnost' za 1936 god po ITL NKVD. Svedeniya o smertnosti po ITL v % % k sred. spisoch. sostavu lagnaseleniya za 1936 god. Smertnost' za 1937 g. (v absolyutnykh velichinakh). Smertnost' v % % k srednespisochnomu sostavu lagnaseleniya za 1937 god. Svedeniya o smertnosti po ITL NKVD za 1938 god" [Mortality rate in the correctional labor camps of the NKVD for 1935. Mortality rate in the correctional labor camps of the NKVD, of camp population in 1935. Mortality in the correctional labor camps of the NKVD for 1936. Mortality rate in the correctional labor camps, percentage of the average number of camp population in 1936. Mortality in 1937 (in absolute terms). Mortality, percentage of the average number of camp population in 1937. Mortality rate in the correctional labor camps of the NKVD for 1938]. F. R-9414, op. 1, d. 2740, ll. 26, 27, 33, 34, 42, 43, 48, 49. GARF.

established in the journalistic literature that Prorvlag was a “death camp.” In any case, this epithet does not apply to the 1930s.

Fish products of the Solovki camp of the OGPU. Barrels with cod, prepared for delivery to the state.
Inscription on the bottom of the barrel “Large cod USLON [Solovki special Purpose camp administration].” Early 1930s.

Source: fonds of the GULAG History Museum

The phrase “Prorvalag is a death camp” is first found in the fictionalized memoirs of a former prisoner, sea captain V. Korel'skii, who was transferred to the Astrakhan prison in May 1943 from the Yagrinskii correctional labor camp (Yagrinlag in Arkhangelsk Oblast). Remembering his stay in that prison, Korel'skii wrote,

There was a perspective of a new deportation. Where to? Everything promised one thing – Prorvalag. I began to prepare myself for the worst: there were rumors that no one had left Prorvlag alive. However, it turned out that by the time I arrived, the camp had ceased to exist. The entire contingent (said to be seven thousand poor people) had died out from starvation and some kind of epidemic. The death camp choked on its own death.²²

In this citation, the bitter truth is mixed with fiction. As a rule, there was no severe starvation in fishing camps but epidemics did occur. In 1942, a cholera epidemic broke out in Astrakhanlag (the official name of the Prorva Island

²² V.P. Korel'skii, *In my lifetime: Memoirs, family legends, reflections* [in Russian], lit. adapt. M.K. Popov (Arkhangelsk: Pravda Severa, 1996), 146.

correctional labor camp from April 1940) in a separate camp station no. 1 located in Guryev (now Atyrau). The camp was closed for quarantine, but continued to function.²³

The existing interest of the OGPU in fisheries was accounted for not only by the desire to improve the supply of fish products to the camps. There was another circumstance due to which the OGPU received dozens of fishery specialists at its disposal and was able to establish industrial-scale fisheries in the GULAG. We are talking about mass political repression in the fishing industry. In 1930, the RSFSR continued to remain the epicenter of famine in the Soviet Union, the food crisis worsened in Ukraine, but the most severe famine could be observed in the Kazakh ASSR. According to modern historians, it was from Kazakhstan that the massive deadly famine began to spread throughout the USSR. Its start was a direct result of the grain procurements of 1929–30.²⁴ The OGPU responded to the tragedy of the peoples of the USSR with mass political repression. “Saboteurs”, the old “bourgeois” specialists who worked in the food industry were the first to get under attack. On September 22, 1930, the Soviet newspapers reported the detection of “a counterrevolutionary organization of saboteurs acting against workers’ supply.” Already on September 25, there was information that 48 specialists were shot or put into concentration camps, without any information about the trial published in the press.²⁵ These saboteurs were blamed for the shortage of meat and fish products, which in fact was not the fault of the mythical saboteurs but a consequence of forced collectivization.

Some information about this little-known case of the OGPU can be found in the memoirs of ichthyologist Vladimir V. Chernavin, who titled the corresponding chapter of his *Notes of the ‘Saboteur’* “An Obituary of Russian Fisheries.” Chernavin, who survived the repression of 1930, wrote about the consequences of the devastation in the fish industry:

At the Institute of Fisheries, Professor N.N. Aleksandrov, Professor A.F. Nevraev, and a number of employees were arrested. At the Fisheries Department, such well-known specialists as S.A. Tikhenko and S.I. Parakhin were arrested. In Soyuzryba, there were no employees left after several days. Similar arrests of all more or less prominent specialists and employees took place in the provinces. By the autumn of

²³ I.A. Il'in, “Activities of Astrakhanlag during the Great Patriotic War” [in Russian], in *The Peter's readings in Astrakhan: Proceedings of the IV international scientific conference (Astrakhan, December 19, 2019)*, ed. E.G. Timofeeva and A.O. Tyurin (Astrakhan: Astrakhanskii gosudarstvennyi universitet, 2020), 222.

²⁴ *Famine in the USSR. 1929–1934* [in Russian], vol. 1, 1929 – July 1932, bk. 1, ed. V.V. Kondrashin (Moscow: MFD, 2011), 19.

²⁵ V.V. Chernavin and T.V. Chernavina, *Notes of the “saboteur”; Escape from the Gulag* (St Petersburg: Kanon, 1999), 84.

1930, the collapse of the fishing industry had been complete in all of its branches: scientific, administrative, industrial and commercial <...> The industry had passed into the so-called proletarian hands, that is, into the hands of the people who did not know or understand it rather than workers. The results were certain to have an effect. They became clear even faster and much more sharply than it could have been expected.²⁶

Thus, despite a noticeable cut if compared to 1931, the plan for 1932 was fulfilled only by 69.4%. This is according to the official statistics, but in reality, the situation was much worse. The prime cost of harvested fish increased many times and, accordingly, the price for the final product rose sharply. After the saboteurs were dealt with, there were massive accidents at sea and wrecks of fishing boats which led to new arrests.

However, the saddest result of political repression at the fisheries was the execution of 26 (28 according to some reports) scientists and fishery specialists. Among those who were shot were M. Artsybushev, head of the fishing industry of the Volga-Caspian District; A. Ezorskii, chairman of the Volga-Caspian State Trust who later organized the Fish Industry Syndicate and became its chairman; S. Nikitin, chairman of the Volga-Caspian State Trust, the largest of the state fish trusts of the USSR; and many others. Dozens of repressed specialists were sentenced to various terms of imprisonment and sent to the GULAG. For example, A. Klykov who was sentenced to 10 years of camps served his sentence in Prorvlag from the first days of its formation. He was a prominent ichthyologist and merchandise expert, the author of the popular textbook *Fish and Fish Products*, and a major expert in the fishery of the Caspian Sea.

This mass political repression did not stop either in 1930 or in the following years. When the camps began to experience a shortage of specialists with certain qualifications, the OGPU solved the problem in a simple way by arresting the people with the qualifications required for doing the jobs after declaring them saboteurs. In one of the reports of the OGPU, it was explicitly stated that if there was a shortage of engineering and technical personnel, “several more suitable individuals should be additionally arrested in the course of further investigation.”²⁷

For the purposes of accounting and rational use of convicted specialists, the OGPU issued the following circular on October 25, 1933:

For the purpose of systematic distribution and better use of newly convicted specialists, PPs [Plenipotentiaries] of the OGPU must report to the GULAG of the OGPU on all highly qualified specialists convicted to imprisonment by the

²⁶ Chernavin and Chernavina, *Notes of the “saboteur”*, 85.

²⁷ A.I. Kokurin and Yu.N. Morukov, comps., *Stalin construction sites of the GULAG. 1930–1953* [in Russian] (Moscow: MFD, 2005), 51.

plenipotentiary troikas and by the organs of the People's Commissariat of Justice, located in the territory of a given PP of the OGPU <...>. Records to be sent should include all engineers, technicians, professors, scientists, doctors, agronomists, economic planners, and major administrative workers (directors, members of the boards of associations and trusts). Upon receipt of information from the PPs of the OGPU, the OGPU's GULAG will issue individual assignments to send convicted specialists to the camps.²⁸

In compliance with this circular, a group of fishery specialists was sent to Prorvlag soon afterwards. They were hydrobiologists, ichthyologists and other experts in ichthyofauna of various seas, who worked at the Murmansk Biological Station of the State Oceanographic Institute of the USSR. In 1933, mass arrests of personnel took place at the Institute. Many of the employees were accused of sabotage and sentenced under Article 58, paragraph 7, of the Criminal Code of the RSFSR to three to five years of imprisonment in correctional labor camps. What could be considered sabotage? Let us look at the case of M. Idelson who was sent to serve his sentence in Prorvlag. According to his colleague V. Tanasiichuk, he was convicted of not reporting the second small shoal when he discovered one big shoal of fish in Motovskii Bay (the Barents Sea). He did send a radiogram about the big shoal but not about the small one. "Why?" "I do not know myself. I did not consider this somehow important."²⁹ During this period, many researchers of the sea and its inhabitants were imprisoned in different subdivisions of Prorvlag. Among them were the captain of the research and expedition vessel *Persei* I. Zamyatkin, hydrographer A. Sokolov, hydrobiologist M. Idelson, captain of the research vessel *Nikolai Knipovich* T. Antufyev, and many others. For many years, the Northern Caspian Sea was the place of detention and exile of N. Tanasiichuk, a leading ichthyologist, Deputy Head of the Murmansk Biological Station, who was arrested twice in 1933. The first arrest was for sabotage activities aimed at "disrupting the measures of the Soviet power to fulfill the fishing plan," and the second arrest, for being a member of the "counterrevolutionary sabotage group of scientists." On December 23, he was sentenced by a plenipotentiary troika of the OGPU to three years of imprisonment in a concentration camp and subsequent exile under Article 58, paragraph 7, of the Criminal Code of the RSFSR and sent to the Astrakhan subdivision of Prorvlag to serve his sentence.³⁰

²⁸ "Tsirkulyar OGPU № 109 ot 25 oktyabrya 1933 g." [Circular of the OGPU no. 109 dated October 25, 1933], in G.M. Ivanova, *The history of the GULAG: 1918–1958* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2015), 170.

²⁹ V.S. Tanasiichuk, "Arrests at the Murmansk Biological Station in 1933" [in Russian], in *Science under repression*, is. 2 (St Petersburg: Nauka, 1994), 7.

³⁰ V.S. Tanasiichuk, "Arrests at the Murmansk Biological Station in 1933", is. 2, 7–9.

The camp regulations during this period quite peculiar, even liberal to some extent, especially with regard to the treatment of imprisoned specialists. For example, any camp could send its prisoners on business trips to Moscow by prior agreement with the Main Administration of Camps. On May 31, 1933, a prisoner sentenced to 10 years under Article 58, sections 6 (espionage) and 8 (terror), arrived in Moscow from Prorvlag. The prisoner's family lived in Moscow. As the escort did not have any special instructions regarding the convict, he did not prevent the family and other persons from meeting the prisoner at the station. Later, instead of coming to the Main Administration of Camps, the specialist from Prorvlag went to his own apartment, where he stayed until June 1. For ignoring the order of the head of the GULAG M. Berman "not to allow prisoners to be sent on business trips to Moscow without prior approval of the GULAG," disciplinary penalty was applied to the administration of Prorvlag. The camp commander Sorokin was reprimanded and the head of the Third Division was under arrest for 5 days.³¹ It is important to note that the practice of sending prisoners on business trips to Moscow was not reprobated. What was condemned was the violation of the rules for official registration of such trips.

In the early 1930s, the location of places of confinement was not kept secret either from the convicts or from their relatives. This allowed wives to move closer to their husbands' place of imprisonment and look for a job there, which, of course, greatly alleviated the plight of those innocently convicted. For example, as soon as Vera Tanasiichuk learned that her husband N. Tanasiichuk was to be sent to Astrakhan, she managed to quickly get a job as a hydrobiologist at the Volga-Caspian Fisheries Research Station and settled in Astrakhan. Convicts, and their relatives even more so, could rarely say what the official name of this or that place of confinement was. That is why, in her memoirs, Vera Tanasiichuk most often referred simply to a concentration camp or a camp. Here is how she described the place where her husband was serving his sentence:

The camp was located 3–4 kilometers away from Astrakhan. I took a tram to the cemetery and then walked through the steppe. The camp was fenced in with barbed wire with watchtowers. There were sentries at the gate. A river connected to the Volga River (a delta arm, perhaps) flowed through the camp, and GULAG fishing vessels (that had black sails, unlike ordinary fishing vessels, which had light sails) and service vessels receiving fish came there. There was a receiving raft; N.P. [Nikolai P. Tanasiichuk] was a raft worker, that is, a fish receiver. Political prisoners and common criminals were mixed there, although all ours lived in the same small house.

³¹ "Prikaz no. 68.1 iyulya 1933 g." [Order no. 68. July 1, 1933]. F. R-9414, op. 1, d. 3, l. 88. GARF.

In general, in those years, life in a concentration camp was not very difficult. Visits were easily approved. I came every day after work and brought a parcel. The food in the camp was tolerable for those days; we ate not much better outside the camp. However, we had a marketplace where we had everything: meat, eggs, milk, vegetables, and fish. I would go up to the gate and ask the guard to call “such-and-such person.” He would call out to one of the camp workers, and N.P. [Nikolai P. Tanasiichuk] would come and even go out of the gate. We could talk as long as we wanted (an hour, or an hour and a half), and nobody listened to us (of course, this was in the evening, after work).³²

V. Tanasiichuk’s description of the “Astrakhan concentration camp” refers to the summer of 1934, but there were no independent camps in Astrakhan during this period. Superimposition of the verbal description of the camp’s location on the schematic plan of Astrakhan of 1925 gives reasons to believe that the camp in question is the Bolda detachment located on the Bolda River, part of the Astrakhan camp station of Prorvlag. All of the camp’s fish products were sold through that outpost.³³

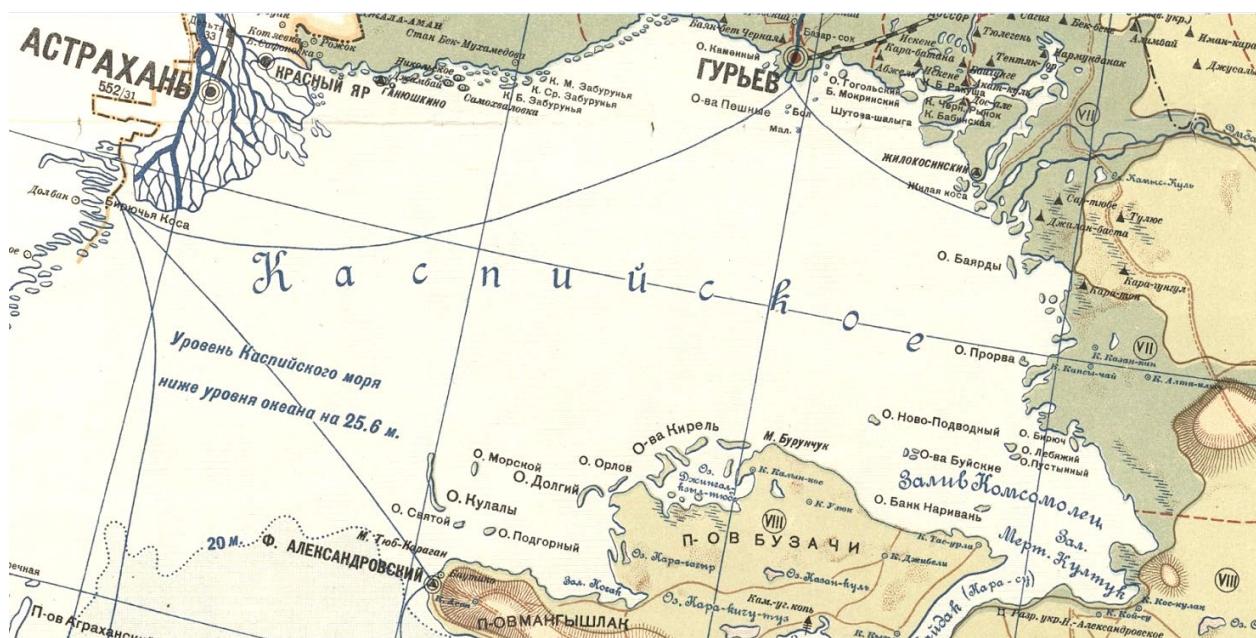
Tanasiichuk’s description is also not clear about the GULAG’s fishing boats having black sails. This information is frequently referred to in local history journalism, but there has not been any documentary evidence so far.

The departmental affiliation of Prorvlag, the location of its administration, and the structure of the camp changed several times. Over the years, Prorvlag was subordinate to the GULAG of the OGPU and to the regional organs of the OGPU and the NKVD in Lower Volga Krai and Stalingrad Krai. From 1936, it was in direct subordination of the GULAG of the NKVD of the USSR. At different periods, the administration of the camp was stationed on Prorva Island in the Caspian Sea, in Astrakhan, and in Guryev.³⁴ The camp was repeatedly reorganized and included subcamps, camp stations, and camp detachments.

³² Tanasiichuk, “Arrests at the Murmansk Biological Station,” 8.

³³ Schematic plan of the city of Astrakhan, appendix to the reference book *All Astrakhan* [in Russian], (Astrakhan: Kommunist, 1925), *Astrakhan in your pocket: a guide*, accessed May 10.2021, http://www.etomesto.ru/download.php?map=astrahan_1925-astrakhan-v-karmane

³⁴ Smirnov, *The system of correctional labor camps in the USSR*, 364–65.

Map of the Caspian region of Kazakhstan where the subdivisions of Prorvlag were located.

Kazakstanskoe izdatel'stvo. 1931.

Source: EtoMesto, accessed May 10, 2021, http://www.etomesto.ru/map-kazakhstan_1931

In addition to the Bolda detachment of the Astrakhan camp station, the structure of Prorvlag also included the Burunchuk detachment located at Cape Burunchuk (Mys Buryshyk) on the Buzachi Peninsula of the Northern Caspian Sea. It was a part of the Guryev subcamp and was mainly engaged in fixed gillnet fishing.³⁵ It was the subdivision of Prorvlag that was most distant from the camp administration. Communication with the Burunchuk detachment was carried out only by water, the distance from Astrakhan, according to the accepted course of the vessels, was about 780 kilometers.³⁶ Superimposition of the verbal description of the location of this detachment on the map of the East Coast of the Caspian Sea dated 1902 and comparison with a contemporary map of the Buzachi Peninsula suggested that the Burunchuk detachment was situated in the territory of the old Russian settlement of Zavorot (Dzhandaur) located in the present-day territory of Kazakhstan.³⁷

In 1934, Prorvlag caught 171 200 quintals of fish under the plan of 160 000 quintals, which amounted to 107% of the plan. This allowed the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR G. Yagoda to report to Stalin in January 1935, "The results of the 1934 fishing season give grounds to consider the Prorva

³⁵ "Kratkaya kharakteristika politiko-ekonomiceskogo sostoyaniya Astrakhanlaga NKVD" [Brief description of the political and economic state of Astrakhanlag of the NKVD]. F. R-9414, op. 1, d. 853, l. 22. GARF.

³⁶ "Rybnaya promyshlennost'" [Fishing industry]. F. R-9414, op. 1, d. 28, l. 79. GARF.

³⁷ Map of the eastern coast of the Caspian Sea, appendix to the report on fisheries on the eastern coast of the Caspian Sea by Cossack captain D. Livkin, 1902, EtoMesto, accessed May 14, 2021, http://www.etomesto.ru/map-astrahan_kaspiy-1902

district prepared for further development of fisheries in it.” For 1935, the fishing plan for Prorvlag was increased to 210 000 quintals.³⁸

The Prorvlag fishery had a fishing fleet of up to 1 115 units, including 101 motor vessels and 4 steamships as well as various other assisting and service vessels. The entire fishing fleet and fishing gear were distributed and assigned to the individual camp subdivisions of Prorvlag. Among them, one of the largest was the Guryev subcamp located on the right bank of the Ural River. It was situated 7 kilometers away from the city of Guryev in Kazakh SSR and had a population of up to 2 000 people. The subcamp had one coastal and two floating fish factories for processing fish.³⁹ It is worth noting that all the products produced by Prorvlag were sold within the GULAG system of the NKVD.

The Mumrinsk (Mumrinskoe) subcamp with a population of up to 2 200 people was considered promising because of its proximity to the sea. It was located 90 kilometers down the river from Astrakhan in Ikryaninsky Raion of Stalingrad Oblast. The subcamp received fishing and service boats, two floating fish factories, and all the necessary equipment for fishing and fish processing. Barracks for the prisoners, an office for hired workers, and a machine shop were built. Moreover, there were plans to build a stationary fish factory.

Twelve kilometers from Astrakhan, on the bank of the Pryamaya Bolda River, the Astrakhan special camp station with camp population of up to 1 100 people was located. The main type of work at the camp was fish processing at the coastal fish factory (salting and smoking). The Bolda detachment, part of the Astrakhan camp station, was responsible for storing finished products in a special refrigerating icehouse.

All subcamps had mechanical workshops, where engines of the motor fleet were repaired, workshops for manufacture and repair of fishing gear, and other auxiliary production facilities. Cooperies made and repaired containers for further packing of fish products. Practically all types of work were done by hand. Prorvlag was located in a forestless area, and all production, construction, and repair activities of the camp depended exclusively on imported wood. Mudbrick and reed panels were widely used as building materials and were produced on site. Water transport served as the main means of communication and transportation between the camp subdivisions.

Most of the Prorvlag territory was located in a sharply continental climate zone. During the year, there were strong fluctuations of temperature. Thus, in winter the temperature dropped to 30 degrees Celsius or lower, and in summer, it rose to 40 degrees Celsius or even higher. This area received very little precipitation both in

³⁸ *History of the Stalin's Gulag*, vol. 3, 124.

³⁹ “Kratkaya kharakteristika politiko-ekonomiceskogo sostoyaniya Astrakhanlaga NKVD” [Brief description of the political and economic state of Astrakhanlag of the NKVD]. F. R-9414, op. 1, d. 853, l. 22. GARF.

winter and in summer, but the winds did not subside all year round, sometimes reaching force 10 or even force 12. As noted in the brief description of the political and economic state of the camp,

winds make it difficult to fish. Sometimes there are 2–3 days of calm weather for a whole month, and in the remaining days, the wind is force 3 to 5.⁴⁰

In the late 1930s and early 1940s, the camp administration was located in Astrakhan, 1 526 kilometers away from Moscow. Communication with Moscow was by rail and air. Apart from prisoners, the camp also employed hired workers, among whom there were those who had already served their sentence and remained in the fishing industry as hired personnel. By the early 1940s, there were 938 hired workers in the camp, including paramilitary guards. Among them, there were 148 members of the VKP(b) and 245 Komsomol members. Engineering positions were held by 75 people.⁴¹ Some specialists from among the former prisoners who were sent there after serving their sentences for resettlement tried to settle down and find any work in Guryev. According to the memoirs of Vitalii N. Tanasiichuk (son of Nikolai Tanasiichuk), whose exiled parents managed to obtain permission to settle in Guryev Oblast, Guryev in that period was a small city,

... where there were countless windmills along the banks of the Ural River, pumping water to the gardens where vegetable grew. Soot was falling from the sky, because fuel oil was used for heating here. Guryev was kind to us. We got a room in the house of the local Fishing Station, where my parents were the only employees, and I was a laboratory assistant... We saw very little of my father, for he sent a long lime in the fisheries all over the Northern Caspian Sea.⁴²

Conclusion

Prorvlag was closed down, or to be more exact, reorganized and renamed the Astrakhan camp on April 17, 1940. Today it is often referred to as one of the forgotten islands of the GULAG Archipelago. There is a great deal of truth in that. The cities and towns did not appear on the sites of the camp subdivisions as they did in Siberia, the Far North, or the Far East. The camp did not leave a trace in the memory of the local population because the area where the Soviet authorities organized Prorvlag was not only waterless but also unpopulated. The OGPU established the Prorva Island camp in order to create its own fish supply base for the

⁴⁰ “Kratkaya kharakteristika politiko-ekonomicheskogo sostoyaniya Astrakhanlaga NKVD” [Brief description of the political and economic state of Astrakhanlag of the NKVD]. F. R-9414, op. 1, d. 853, l. 24. GARF.

⁴¹ Ibid., l. 23.

⁴² V.N. Tanasiichuk, “The road to Dzhurin and back” [in Russian], *Zvezda*, no. 11 (1998): 213.

camp population because in 1932 the state stopped supplying camps with fish. The prisoners who developed the new fishing area in the most difficult climatic, domestic, industrial, and sanitary conditions made a significant contribution to the development of the Kazakhstan sector of the Caspian Sea.

Список литературы

- Ахметова У.Т., Жумабаев А.Ж. ГУЛАГ жүйесіндегі Прорва лагері (1932–1950 жж.) // Вестник ЗКГУ. 2020. № 3 (79). С. 138–146. DOI 10.37238/1680-0761.2020.79(3).14*
- Ахметова Ү.Т., Мұқтар Ә.Қ. Прорва еңбекпен түзету лагері тарихынан (1932–1950 жж.) // II Тұған өлкені зерттеу: оның маңызы және басым бағыттары: Республикалық онлайн ғылыми-тәжірибелік конференциясының материалдар жинағы (Сарайшық, 15 мамыр, 2020 жыл) / Жалпы ред. басқ. Ә.Қ.Мұқтар. Атырау–Сарайшық: Сарайшық мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы, 2020. С. 38–44.*
- Болонина Л.В. Создание Прорвинского исправительно-трудового лагеря в Астраханской области и его производственно-хозяйственная деятельность // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XII Международной научно-практической конференции (Астрахань, 29 апреля 2016 года) / под редакцией Е.Г. Тимофеевой, А.О. Тюрина, А. В. Сызранова. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2016. С. 76–79.*
- Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. Кн. 1 / ответственный редактор В.В. Кондрашин. Москва: МФД, 2011. 656 с.*
- ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / составители А.И. Кокурин и Н.В. Петров. Москва: МФД, 2000. 888 с.*
- Захарченко А.В., Репинецкий А.И. Строго секретно. Особстрой–Безымянлаг. 1940–1946 (из истории системы лагерей НКВД СССР в Куйбышевской области). Самара: НТИ, 2008. 552 с.*
- Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. Москва: МОНФ, 1997. 227 с.*
- Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918–1958. Москва: РОССПЭН, 2015. 415 с.*
- Ильин И.А. Деятельность Астраханлага во время Великой Отечественной войны // Астраханские Петровские чтения: материалы IV Международной научной конференции (Астрахань, 19 декабря 2019 года) / под редакцией Е.Г. Тимофеевой, А.О. Тюрина. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2020. С. 220–223.*
- История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: в 7 т. Т. 3. Экономика Гулага / ответственный редактор и составитель О.В. Хлевнюк. Москва: РОССПЭН, 2004. 624 с.*
- Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 1999. № 8. С. 109–126.*
- Корельский В.П. На моём веку: Воспоминания, предания рода, размышления / литературная обработка, композиция, оформление М.К. Попова. Архангельск: Правда Севера, 1996. 238 с.*
- Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: справочник / составитель М.Б. Смирнов. Москва: Звенья, 1998. 600 с.*
- Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / составители А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. Москва: МФД, 2005. 568 с.*

- Танасийчук В.Н. Дорога в Джурун и обратно // Звезда. 1998. № 11. С. 202–214.
- Танасийчук В.С. Аресты на мурманской биологической станции в 1933 году // Репрессированная наука. Санкт-Петербург: Наука, 1994. Вып. 2. С. 306–318.
- Ткачева Г.А. Принудительный труд в Дальневосточном регионе. 1941–1945 гг. // Россия и АТР. 2003. № 4 (42). С. 29–40.
- Упадышев Н.В. «Большой террор» и развитие лагерной системы на Европейском Севере России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 2. С. 87–93.
- Упадышев Н.В. Воркутинский исправительно-трудовой лагерь в годы Великой Отечественной войны // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 35–45.
- Феномен ГУЛАГа: интерпретации, сравнения, исторический контекст / под редакцией М. Дэвида-Фокса / перевод с английского О. Бараш и др. Санкт-Петербург: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 632 с.
- Чернавин В.В., Чернавина Т.В. Записки «вредителя»; Побег из ГУЛАГа. Санкт-Петербург: Канон, 1999. 490 с.
- Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-востока СССР (1930–1950-е гг.). Москва: РОССПЭН, 2014. 654 с.
- Якир П.И. Детство в тюрьме: Мемуары Петра Якира / автор предисловия Ю. Телесин. Лондон: Macmillan, 1972. 152 с.
- Bacon E. The Gulag at war: Stalin's forced labour system in the light of the archives. New York: New York University Press, 1994. 285 p.
- Bell W.T. Stalin's Gulag at war: forced labour, mass death, and Soviet victory in the Second World War. Toronto: University of Toronto Press, 2018. 280 p.
- Conquest R. Forced labour statistics: some comments // Soviet Studies. 1982. Vol. XXXIV, № 3 (July). P. 434–439.
- Harris J.R. The growth of the Gulag: forced labor in the Urals region, 1921–1931 // The Russian Review. 1997. Vol. 56, № 2 (April). P. 265–280.
- Rosefield S. An assessment of the sources and uses of GULAG forced labour 1929–56 // Soviet Studies. 1981. Vol. XXXIII, № 1 (January). P. 51–87.
- Rosefield S. Incriminating evidence: excess deaths and forced labour under Stalin: A final reply to critics // Soviet Studies. 1987. Vol. XXXIX, № 2 (April). P. 292–313.
- Wheatcroft S.G. On assessing the size of forced concentration camp labour in the Soviet Union, 1929–1956 // Soviet Studies. 1981. Vol. XXXIII, № 2 (April). P. 265–295.
- Wheatcroft S.G. Towards a thorough analysis of Soviet forced labour statistics // Soviet Studies. 1983. Vol. XXXV, № 2 (April). P. 223–237.
- Zorin L. Soviet prisons and concentration camps: an annotated bibliography, 1917–1980. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980. 118 p.

References

- Akhmetova, U.T., and A.Zh. Zhumabaev. “GULAG zhuyesindegi Prorva lageri (1932–1950 zhzh.)” [Prorva Island camp in the GULAG system (1932–1950).] *Vestnik ZKGU*, no. 3 (79) (2020): 138–46. [https://doi.org/10.37238/1680-0761.2020.79\(3\).14](https://doi.org/10.37238/1680-0761.2020.79(3).14) (In Kazakh)
- Akhmetova, U.T., and E.K. Muktar. “Prorva eñbekpen tuzetu lageri tarikhynan (1932–1950 zhzh.)” [From the history of the Prorva Island labor camp (1932–1950)]. In *II Tuğan olkeni zertteu: onyň maňyzy zhene basym baýttary: Respublikalyk onlain ǵylymi-tezhiberelik konferentsiyasyň materialdar zhinaǵy (Saraishyk, 15 mamyr, 2020 zhyl)* [II Study of the native

land: its importance and priorities: Proceedings of the Republican online scientific and practical conference (Saray-Jük, May 15, 2020)], edited by E.K. Muktar, 38–44. Atyrau–Saray-Jük: Sarashyk memlekettik tarikhi-medeni muzei қорығы, 2020. (In Kazakh)

Bacon, E. *The GULAG at war: Stalin's forced labour system in the light of the archives*. New York: New York University Press, 1994.

Bell, W.T. *Stalin's GULAG at war: forced labour, mass death, and Soviet victory in the Second World War*. Toronto: University of Toronto Press, 2018.

Bolonina, L.V. "Sozdanie Prorvinskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya v Astrakhanskoi oblasti i ego proizvodstvenno-khozyaistvennaya deyatel'nost'" [Establishment of Prorva Island forced labor camp in Astrakhan Oblast and its production and economic activities]. In *Perekrestki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoi nauki: materialy XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Astrakhan', 29 aprelya 2016 goda)* [Crossroads of history. Topical problems of historical science: Proceedings of the 12th international scientific and practical conference (Astrakhan, April 29, 2016)], edited by E.G. Timofeeva, A.O. Tyurin, and A.V. Syzranov, 76–79. Astrakhan: Sorokin Roman Vasil'evich, 2016. (In Russian)

Chernavin, V.V., and T.V. Chernavina. *Zapiski 'vreditelya'; Pobeg iz GULAGa* [Notes of the "saboteur"; Escape from the Gulag]. St Petersburg: Kanon, 1999. (In Russian)

Conquest, R. "Forced labour statistics: some comments." *Soviet Studies*, vol. 34, no. 3 (July) (1982): 434–39.

David-Fox, M., ed. *Fenomen GULAGa: interpretatsii, sravneniya, istoricheskii kontekst* [The Soviet Gulag: Evidence, interpretation, and comparison]. Translated by O. Barash, et al. St Petersburg: Academic Studies Press / BiblioRossika, 2020. (In Russian)

Golod v SSSR. 1929–1934 [Famine in the USSR. 1929–1934]. 3 vols. Vol. 1, *1929 – iyul' 1932* [1929 – July 1932]. Bk. 1, edited by V.V. Kondrashin. Moscow: MFD, 2011. (In Russian)

Harris, J.R. "The growth of the Gulag: forced labor in the Urals region, 1921–1931." *The Russian Review*, vol. 56, no. 2 (April) (1997): 265–80.

Il'in, I.A. "Deyatel'nost' Astrakhanlaga vo vremya Velikoi Otechestvennoi voiny" [Activities of Astrakhanlag during the Great Patriotic War]. In *Astrakhanskie Petrovskie chteniya: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Astrakhan', 19 dekabrya 2019 goda)* [The Peter's readings in Astrakhan: Proceedings of the IV international scientific conference (Astrakhan, December 19, 2019)], edited by E.G. Timofeeva and A.O. Tyurin, 220–23. Astrakhan: Astrakhanskii gosudarstvennyi universitet, 2020. (In Russian)

Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov [History of the Stalin's Gulag. The late 1920s – the first half of the 1950s]. 7 vols. Vol. 3, *Ekonomika Gulaga* [The Gulag's economy], edited by O.V. Khlevnyuk. Moscow: ROSSPEN, 2004. (In Russian)

Ivanova, G.M. *GULAG v sisteme totalitarnogo gosudarstva* [GULAG in the system of a totalitarian state]. Moscow: MONF, 1997. (In Russian)

Ivanova, G.M. *Istoriya GULAGa: 1918–1958* [The history of the GULAG: 1918–1958]. Moscow: ROSSPEN, 2015. (In Russian)

Kokurin, A.I., and N.V. Petrov, comps. *GULAG: Glavnoe upravlenie lagerei. 1918–1960* [GULAG: Main administration of camps. 1918–1960]. Moscow: MFD, 2000. (In Russian)

Kokurin, A.I., and N.V. Petrov. "GULAG: struktura i kadry" [GULAG: structure and personnel]. *Svobodnaya mysl'*, no. 8 (1999): 109–26. (In Russian)

Kokurin, A.I., and Yu.N. Morukov, comps. *Stalinskie stroiki GULAGa. 1930–1953* [Stalin construction sites of the GULAG. 1930–1953]. Moscow: MFD, 2005. (In Russian)

Korel'skii, V.P. *Na moem veku: Vospominaniya, predaniya roda, razmyshleniya* [In my lifetime: Memoirs, family legends, reflections]. Literary adaptation, layout and design by M.K. Popov. Arkhangelsk: Pravda Severa, 1996. (In Russian)

Rosefielde, S. "An assessment of the sources and uses of GULAG forced labour 1929–56." *Soviet Studies*, vol. 33, no. 1 (January) (1981): 51–87.

Rosefielde, S. "Incriminating evidence: excess deaths and forced labour under Stalin: A final reply to critics." *Soviet Studies*, vol. 39, no. 2 (April) (1987): 292–313.

Shirokov, A.I. *Dal'stroi v sotsial'no-ekonomicheskem razvitiyu Severo-vostoka SSSR (1930–1950-e gg.)* [Dalstroi in the socio-economic development of the North-East of the USSR (1930 – the 1950s)]. Moscow: ROSSPEN, 2014. (In Russian)

Smirnov, M.B., comp. *Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerei v SSSR. 1923–1960: spravochnik* [The system of correctional labor camps in the USSR. 1923–1960: a reference book]. Moscow: Zven'ya, 1998. (In Russian)

Tanasiichuk, V.N. "Doroga v Dzhurun i obratno" [The road to Dzhurin and back]. *Zvezda*, no. 11 (1998): 202–14. (In Russian)

Tanasiichuk, V.S. "Aresty na murmanskoj biologicheskoi stantsii v 1933 godu" [Arrests at the Murmansk Biological Station in 1933]. In *Repressirovannaya nauka* [Science under repression], is. 2, 306–18. St Petersburg: Nauka, 1994. (In Russian)

Tkacheva, G.A. "Prinuditel'nyi trud v Dal'nevostochnom regione. 1941–1945 gg." [Forced labor in the Far East region. 1941–1945]. *Rossiya i ATR*, no. 4 (42) (2003): 29–40. (In Russian)

Upadyshev, N.V. "'Bol'shoi terror' i razvitiye lagernoi sistemy na Evropeiskom Severo-Rossii" ['The great terror' and the development of the camp system in the European North of Russia]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, no. 2 (2012): 87–93. (In Russian)

Upadyshev, N.V. "Vorkutinskii ispravitel'no-trudovoi lager' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny" [Vorkuta correctional labor camp during the Great Patriotic War]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 3 (2012): 35–45. (In Russian)

Wheatcroft, S.G. "On assessing the size of forced concentration camp labour in the Soviet Union, 1929–1956." *Soviet Studies*, vol. 33, no. 2 (April) (1981): 265–95.

Wheatcroft, S.G. "Towards a thorough analysis of Soviet forced labour statistics." *Soviet Studies*, vol. 35, no. 2 (April) (1983): 223–37.

Yakir, P.I. *Detstvo v tyur'me: Memuary Petra Yakira* [A childhood in prison: Memoirs of Pyotr Yakir]. Foreword by Yu. Telesin. London: Macmillan, 1972. (In Russian)

Zakharchenko, A.V., and A.I. Repinetskii. *Strogo sekretno. Osobstroi–Bezymyanlag. 1940–1946 (iz istorii sistemy lagerei NKVD SSSR v Kuibyshevskoi oblasti)* [Top secret. Osobstroi–Bezymyanlag. 1940–1946 (from the history of the USSR's NKVD system of camps in Kuibyshev Oblast)]. Samara: NTTs, 2008. (In Russian)

Zorin, L. *Soviet prisons and concentration camps: an annotated bibliography, 1917–1980*. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980.

Информация об авторе

Галина Михайловна Иванова – доктор исторических наук, главный научный сотрудник; <https://orcid.org/0000-0002-3784-5619>, ivanovagal@mail.ru, Институт российской истории РАН (117292 Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19), заместитель директора по научной работе Государственного музея истории ГУЛАГа (127473 Россия, г. Москва, 1-й Самотечный пер., д. 9)

Information about the author

Galina M. Ivanova – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher; <https://orcid.org/0000-0002-3784-5619>, ivanovagal@mail.ru, Institute of Russian History of the RAS (19, ul. Dmitriya Ulyanova, Moscow, 117292, Russia), Deputy Director for Research of the GULAG History Museum (19, Pervy Samotechny pereulok, Moscow, 127473, Russia)

Статья поступила в редакцию 15.06.2021; одобрена после рецензирования 12.07.2021; принята к публикации 23.07.2021.

The article was submitted 15.06.2021; approved after reviewing 12.07.2021; accepted for publication 23.07.2021.